

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

ЧЕСТЬ – ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

СКОПЛЕНИЕ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Герметикон

Вадим Панов

Скопление неприятностей

«Панов Вадим»

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Скопление неприятностей / В. Ю. Панов — «Панов Вадим»,
«Эксмо», 2020 — (Герметикон)

ISBN 978-5-04-106167-8

Кажется, что жизнь Помпилио дер Даген Тура налаживается. Главный противник — повержен. Брак с женой-красавицей стал по-настоящему счастливым. Да и верный цеппель, пострадавший в последней битве, скоро должен вернуться в строй. Но разве таков наш герой, чтобы сидеть на месте? Тем более, когда в его руках оказывается удивительная звездная машина, расследование тайны которой ведет на богатую планету Тердан, которой правят весьма амбициозные люди. Да и офицеры «Пытливового амуша» не привыкли скучать и охотно вернутся к привычной, полной приключений жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106167-8

© Панов В. Ю., 2020
© Панов Вадим, 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог,	6
Глава 1,	11
Глава 2,	40
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вадим Панов

Скопление неприятностей

© Панов В.Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог, *действие которого разворачивается более чем за год до описываемых событий*

Идея.

Нет на свете ничего сильнее.

Ни меч, ни копье, ни штык, ни пуля, ни пушки, ни шестиствольные пулеметы, способные прорубить просеку в тропическом лесу, ни алхимические бомбы, ни ядовитые газы, ни огнеметы – ничто не сравнится с Идеей. Открыто или исподволь, она проникает не в тело, но в душу, не убивая врага, а превращая его в верного союзника или послушного раба. Она может опереться на оружие, но презирает его, как презирает палача хладнокровный, безжалостный убийца. Идея выше, ведь она есть Слово, а Слово всегда сокрушает Железо, потому что меч обращается в прах, а Слово не знает времени.

Идея ведет человека и целые народы, объединяет вчерашних врагов, приводит к грандиозным победам или сокрушительным поражениям. Идеи подталкивают цивилизацию добром или злостью, восхищают или пугают, но всегда направляют, не позволяя человечеству застыть. Людьюми движут идеи, а не жажда наживы, которая всего лишь инструмент.

И Огнедел был человеком идеи.

Он знал, чего хочет, и шел к своей мечте так, что становилось страшно.

Он считал существующий порядок неправильным и ломал его всеми доступными способами. Безжалостно убивал во имя светлого будущего, сжигал дома, заводы и людей. Тех людей, без которых, по его твердому убеждению, мир становился лучше: адигенов¹, политиков и капиталистов.

Его идея была дикой, методы – людоедскими, но многие считали его героем. А некоторые – что смогут заставить самого страшного террориста Герметикона служить себе, что им по силам запрыгнуть на тигра и удержаться. Эти люди помогали Огнеделу творить ужасы – в собственных интересах, – но финал всегда получался не таким, на какой они рассчитывали. Они всегда оставались в проигрыше, не удержавшись на лютом звере. Но однажды не повезло и самому Огнеделу: он «славно погулял» на Кардонии, убил всех, кого приказали, поджег планету, ввергнув ее в пожар гражданской войны, но заполучил смертельного врага – лингийского аристократа Помпилио дер Даген Тура, и на этом страшная карьера знаменитого террориста Герметикона завершилась. Он был еще жив, но с ним боялись иметь дело, поскольку охотники Помпилио беспощадно карали тех, кто хоть чем-то помог приговоренному преступнику. От него отвернулись. Его избегали. Все хотели его продать.

Но Герметикон огромен, и нашлись люди, решившие, что знаменитый, хоть и беглый Огнедел еще способен принести пользу. Терданы укрыли террориста от мстительных адигенов, спрятали в надежнейшем месте и стали ждать, когда закончится охота. На их беду Огнедел дураком не был и прекрасно понимал, что, когда терданы убедятся, что охота не прекращается – а зная Помпилио, можно было не сомневаться в том, что она не прекратится, – они его убьют.

Огнедел это понимал и потому затеял собственную игру, поражая охранников единственным доступным ему оружием – словом. Но поражая с невероятной точностью.

– Мир несправедлив, – прошептал он, глядя в горящие глаза Фелди. И его собственные глаза горели таким же фанатичным огнем. – Наш прекрасный мир проклят, отдан на разграбление адигенам и богачам, которые владеют им без всякого права. Они захватили Герметикон

---

¹ Значение этого и других герметиконских терминов можно посмотреть в словаре в конце книги.

силой и жестокостью, наполнили жадностью и подлостью, и передают своим детям так, словно огромная Вселенная – жалкая шлюха, вынужденная удовлетворять их прихоти. Они решают нашу судьбу и получают все самое лучшее.

– Это нечестно, – твердо произнес Фелди. – Так не должно быть.

– Каждый человек имеет право на достойную жизнь.

– Но что мы можем сделать? – вздохнул Фелди, вернувшись к классическому вопросу тех, кто остро чувствует несправедливость мира, но не знает, как с ней бороться.

– Каждый по отдельности – ничего, – не стал скрывать Огнедел. – Каждый маленький человек способен лишь вздохнуть, принимая вселенскую несправедливость как данность, и сетовать на то, что не родился в семье дара.

– Работать от рассвета до заката...

– Без всякой надежды вырваться из порочного круга.

– Влачить жалкое существование.

– Чтобы заработать хозяину лишний золотой.

– Вот уже много лет моя семья мечтает открыть кафе, – сообщил Фелди. – Дед мечтал, но у него не получилось, отец мечтал, пока не умер, потеряв легкие на кожевенной фабрике... теперь мечтают мать и сестра.

– Скромная мечта, – оценил террорист. – И очень славная. Вы всего лишь хотите стать честными, законоослушными людьми, но вам не позволяют, построив каменный забор между вами и вашей надеждой на лучшее будущее.

– Мысль о том, что однажды мы будем владеть доходным заведением, делала нас счастливыми, – вздохнул Фелди.

– Самое обидное заключается в том, что даже такая скромная мечта, скорее всего, окажется несбыточной. У простых людей мало шансов подняться.

– Мы очень стараемся, но вот уже два поколения не могут вырваться из нищеты.

– Вам не позволяют.

– Им нужны слуги и рабы. Ведь если не будет бедных, кем станут богатые?

– Теперь ты понимаешь, что я имею в виду.

– Я понимал это с самого начала.

Фелди был выходцем из небогатой виллемгофской семьи, которая едва сводила концы с концами, балансируя на грани нищеты. Будучи вторым сыном, Патрик не пожелал идти, по примеру брата, на завод и завербовался в армию. А благодаря тому, что три года прилежно посещал воскресную школу при олгеменическом храме, быстро заработал унтер-офицерские лычки. Но это был потолок, пробить который Фелди не мог при всем желании: на офицерский патент могли рассчитывать только высокообразованные терданы.

– Нужно сделать мир справедливым, – мягко произнес Огнедел.

– Нужно его разрушить.

Террорист улыбнулся.

Терданы видели в Огнеделе опасное, но эффективное оружие. И еще терданы видели в Огнеделе конченого психопата, ловкого организатора кошмарных массовых убийств. Терданы искренне полагали, что идея нужна Огнеделу лишь для оправдания собственного безумия, требующего запредельной кровожадности, потому что без нее – без революционной идеи – он бы превратился в заурядного убийцу. Но терданы ошиблись: Огнедел знал силу Слова, и его желание уничтожить мир было искренним.

Однако главная ошибка терданов заключалась в другом: они были уверены, что преследуемый, растерявший друзей и помощников Огнедел окажется в их полной власти, недооценили неукротимый нрав террориста, кипящую в его душе ярость и умение привлекать на свою сторону незрелые умы.

И терданы дорого заплатили за эту ошибку.

– Нужно разрушить мир, – убежденно повторил Фелди. – В нем не осталось справедливости. Нужно разрушить его и сделать другим.

– Все люди достойны счастья!

– Ты прав.

– Герметикон хочет революции!

– Очень хочет!

Огнедел кивнул и перешел на деловой тон:

– Ты сделал то, о чем я просил?

Терданы уверяли террориста, что он гость, а не пленник, однако выделенные комнаты ему разрешалось покидать только раз в день и строго на час – столько длилась прогулка вдоль озера. И рядом с Огнеделом все время находились охранники. Простые ребята из небогатых семей.

Очень похожие на Фелди.

– Нас будет шестеро, – сообщил Патрик. – Ты, я и еще четверо парней.

– Этого достаточно?

– Мы сможем улететь, – уверенно ответил Фелди. – Двое из нас как раз готовились перебраться в цепари и разбираются в машинах.

– А что с астрологом? – Огнедел знал тех четверых, которых упомянул Фелди, – их он вербовал лично, детально разузнал об их квалификации и не сомневался, что вшестером они смогут управиться с воздушным судном. В подробном докладе Патрика не было необходимости, однако Огнедел позволил ему высказаться, чтобы дать Фелди возможность ощутить свою значимость. Тем не менее среди заговорщиков до сих пор отсутствовал важнейший для бегства член экипажа – судовой астролог. – Без астролога мы не сможем покинуть планету.

– Перед акцией мы захватим одного из астрологов и заставим совершить прыжок.

К сожалению, это был единственный выход, поскольку как правильно вербовать насквозь сумасшедших штурманов Пустоты, не знал даже Огнедел.

И потому он вздохнул:

– Это большой риск.

– Не волнуйся, – усмехнулся Фелди. – Сумасшедшие они или нет, жить астрологи хотят не меньше нормальных людей. У нас получится.

///

И у них действительно получилось.

Будучи унтер-офицером, Фелди мог влиять на назначение караульных и в указанный день, точнее – в указанную ночь, подобрал идеальное сочетание: два заговорщика отправились охранять посадочное поле, на котором стояли импакто и торговое судно; а двое других сторожили жилой комплекс – им предстояло захватить алхимика. Сам Фелди на дежурства не ходил – должность не позволяла, и это стало приговором восемнадцатилетнему пареньку, которого он отправил сторожить Огнедела.

Огнедел не ложился. Свет выключил, но раздеваться не стал, собрался и неподвижно сидел в темноте, временами напоминая статую: спокойную и сосредоточенную. План он разработал на основе подробной информации, которой его снабдили предатели, и не сомневался, что учел все детали. Сейчас он никак не мог повлиять на происходящее и терпеливо ждал, не ошибутся ли исполнители.

Как оказалось – не ошиблись.

В половине второго ночи послышался тихий стук в дверь, Огнедел подхватил с пола сумку на длинном ремне и вышел в коридор.

– Все в порядке?

– Как видишь, – криво улынулся Фелди. Пронзенный кинжалом караульный лежал на полу, и Патрик протянул террористу его боевой пояс с кобурой и подсумком с патронами. – У нас не очень много времени.

– Знаю, – кивнул Огнедел, уверенным жестом застегивая пояс. – Но сначала мы должны заглянуть в алхимическую лабораторию.

– Зачем? – растерялся предатель.

– Затем, что если мы не отвлечем охрану, побег не удастся.

Теперь, когда операция началась, первая кровь пролилась, а у него появилось оружие, Огнедел почувствовал себя намного увереннее и отдавал приказы четким командирским тоном.

– Где астролог?

– Его уже ведут к цеппелю.

– Все прошло тихо?

– Да.

– Что с цеппелем?

– Все в порядке... – Фелди вздохнул. – Мы можем уйти очень тихо. Нас не хватятся до утра.

– Нас хватятся, как только цеппель поднимется в воздух, – отрезал Огнедел. – Поверь, Патрик, я знаю, что делаю.

И унтер-офицер Фелди счел за благо подчиниться.

Внутренние службы комплекса по ночам особо не охранялись, просто запирались на ключ, и поскольку ближайший пост охраны находился у входа в здание, услышать их никто не мог, Патрик мощным ударом выбил замок, и Огнедел вошел в лабораторию. Включил свет, по-хозяйски огляделся, отмечая оборудование, шкафы со смесями и чистыми ингредиентами, и сообщил:

– Мне нужно двадцать минут.

– Так мало?

– Тут замечательная лаборатория... – Огнедел раскрыл один из шкафов. – Собери стеклянные бутылки или колбы. Самые большие, какие найдешь.

– Где найду? – растерялся Фелди.

– Оглядись и найди, – предложил террорист. – И больше не мешай.

И каждый из них занялся своим делом. Огнедел уверенно, как человек, который не раз и не два работал в алхимической лаборатории, готовил загадочную смесь, а Фелди рыскал по подсобным помещениям в поисках стеклянной тары. И закончили они одновременно: через двадцать минут террорист выключил газовую горелку под большим баком, в котором кипела зеленоватая смесь, а Патрик притащил четыре десятилитровые бутылки. Увидев их, Огнедел одобрительно кивнул и осторожно наполнил каждую полученным раствором.

– Идем быстро, по дороге разбрызгиваем смесь.

– На пол?

– На пол.

Спрашивать «зачем?» Фелди не стал – догадался. Но отступать было поздно. Он двинулся к запасному выходу из здания, откуда можно было быстрее всего добраться до причального поля, и по дороге избавляясь от резкопахнувшей жидкости.

Когда они добрались до черного хода, у которого их ждали двое заговорщиков, в комплексе завывала сирена: побег обнаружили. Однако на Огнедела это не произвело никакого впечатления.

Он бросил опустевшие бутылки и напомнил Фелди:

– Я ведь говорил, – после чего щелкнул зажигалкой и улынулся, хладнокровно наблюдая за тем, как яростное пламя стремительно охватывает здание.

Последнюю, четвертую, бутылку они сбросили на импакто, когда захваченное ими торговое судно поднялось над «сигарой» крейсера. Сбросили, подожгли и рассмеялись, глядя на устроенный пожар и понимая, что погони не будет.

Глава 1, ***в которой Помпилио и Кира ведут скучную, размеренную жизнь лингийских аристократов, Арбедалочик излагает план, Дюкри не очень доволен происходящим, а Бабарский неудачно берется за руль, но все заканчивается хорошо***

– Я выросла вдали от сферопорта, на архипелаге, и хотя земли там было достаточно, воды и неба я видела много больше.

– Вода и небо создают идеальный простор, – негромко произнес полулежащий рядом с девушкой Помпилио. – Простор, доведенный до абсолюта.

Он не держал рыжую Киру в объятиях, но был совсем рядом, облокотился на спинку диванчика правой рукой, а левой легонько, подушечками пальцев поглаживал плечо девушки. Ему нравилось прикасаться к жене.

Они оба получали от этого удовольствие.

– Ты прав... – Кира улыбнулась. – Архипелаг – отнюдь не замшелая провинция, его большие города не затерялись бы и на Линге, они современные, энергичные, деловые, но все равно их жизнь куда спокойнее и размереннее, чем шумная суета большого сферопорта.

Они отдыхали на открытой террасе пентхауса «Ожерелье Л», в лингийском отеле небольшой – всего одна гостиница на планету – и единственной в Герметиконе межзвездной сети. Владельцы «Ожерелья» не строили огромных «заведений для всех», полностью сосредоточившись на избранных клиентах: на путешествующих хозяевах жизни, привыкших к роскоши, а не просто комфорту. Отели располагались в лучших районах сферопортов, и с террасы, на которой отдыхали влюбленные, открывался великолепный вид на столицу Линги, на ее Старый город, выстроенный задолго до того, как в универсале возникло слово «сферопорт». А когда смотришь на Старый Маркополис, то в первую очередь видишь самый большой во всем Герметиконе олгеменический храм – собор Доброго Маркуса, в нем одновременно могли молиться сто тысяч человек; неподалеку поднимается Палата Даров, в которой заседали верховные правители самого консервативного адигенского мира, а напротив, через обширную площадь, по праздникам на ней собиралось до миллиона человек, высилась городская Ратуша. Слева от собора стояли Академия Наук и Лингийская библиотека, а между ними пряталось приземистое здание Университета. Привлекали внимание колоссы Генерального штаба, Лингийского Астрологического общества, дворцы даров, музеи, соборы, башни Старой крепости...

Лингийцы не жалели денег на украшение Маркополиса, и с высокой крыши «Ожерелья Л» открывался поистине царский вид.

– Сферопорты принадлежат не планете, а Герметикону, – отозвался Помпилио, решив, что девушка ждет его реплики. – Они служат воротами в огромную Вселенную, перекрестками бесчисленных торговых путей и одновременно – лицом планеты...

– Какой же ты зануда, – рассмеялась Кира, обернувшись и прикоснувшись пальчиком правой руки к губам мужа. – Я всего лишь хотела сказать, что Маркополис не такой. Он стремительный и суетливый там, где должен быть стремительным и суетливым, но умудряется сохранять общее спокойствие. Он – как тяжелый рыцарь: выглядит неспешным, даже неповоротливым, но, если нужно, мчится с невообразимой скоростью.

– Маркополис очень быстрый, – подтвердил Помпилио. – Он – как муравейник, в нем все время что-то происходит.

– Так тебе кажется после нашего милого захоlustья.

– Я люблю наше милое захоlustье.

– Я знаю, – подтвердила девушка, – но сейчас мы говорим о Маркополисе.

– Он большой и красивый, но я... – Помпилио помолчал. – ...но я никогда об этом не задумывался. Для меня Маркополис всегда был просто городом, частью повседневности, и я... Я рад, что у меня появилась возможность узнавать свой мир заново – твоими глазами, твоими чувствами, узнавать его вместе с тобой... – Он вновь замолчал и прищурился: – Что я сказал смешного?

– Я улыбаюсь тому, что ты улыбаешься, – мягко ответила девушка.

– Я сейчас улыбался?

– Да.

Помпилио говорил о Кире, о них, и потому на его губах появилась мягкая улыбка. Как бывает у любого человека, который коснулся чего-то для себя особенного и важного, невероятно прекрасного, настолько чудесного, что сама мысль об этом делает его другим.

В последнее время Помпилио часто так улыбался.

– Мне хорошо, – прошептал он на ухо жене, обнял Киру и зарылся лицом в ее густые рыжие волосы. – Я счастлив.

И почувствовал, что девушка крепко-крепко к нему прижалась.

И еще почувствовал, что она тоже улыбается.

В древнейшем лингийском роду Кахлес – тысячелетней династии даров – все мужчины появлялись на свет лысыми, как колено. Брови присутствовали, усы и бороды росли отменно, но шевелюры – увы. И сколько бы чужой крови ни вливалось в семейные жилы в ходе продуманных или спонтанных браков, с какими бы семьями они ни смешивались, Кахлеса всегда оставались Кахлеса – лысыми. И еще коренастыми, плотными и крепкими. Изяществом фигуры они не отличались, издавна любого Кахлеса можно было принять за крестьянина, но их лица, породистые, твердые, словно высеченные из мермолайского гранита, с выпуклыми лбами и упрямыми подбородками, ясно указывали на высокое происхождение.

Так что внешне Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур был типичным Кахлесом, и его серо-стальные глаза смотрели на мир с врожденным высокомерием.

А вот Кира, его прелестная жена, не могла похвастать древней родословной. Она была дочерью кардонийского правителя, происходила из очень богатой семьи, но по адигенским меркам считалась простолюдинкой, и когда Помпилио, родной брат лингийского дара Антонио Кахлеса, объявил о предстоящей свадьбе, имя невесты произвело эффект разорвавшейся бомбы. Самый завидный холостяк Герметикона выбрал не адигену и даже не лингийку? Предложил руку и сердце девице – офицеру кардонийской армии? Как случился мезальянс?

Свадьбу сопровождали слухи и сплетни, порой – фантастические, о ней говорили едва ли не на всех планетах, и будь Помпилио чуть менее знатен, молодой семье пришлось бы тяжело. Но дер Даген Тур – знаменитый путешественник, исследователь миров и блестящий офицер, – носил неофициальный титул любимца Линги и всего Герметикона, во всяком случае, его адигенской части; брат Помпилио и остальные дары, причем не только лингийские, горячо поддерживали его выбор и сделали все, чтобы Кира вошла в высший аристократический круг.

Ей было чуть меньше двадцати пяти, и она была чудесным цветком, находящимся в расцвете женственности и красоты. Рыжие волосы, карие, с золотыми искорками глаза, маленький носик, большой рот с четко очерченными губами – образ Киры заставлял мужские сердца биться с удвоенной силой. Как написали в «Лингийском вестнике»: «...никто не смеет отрицать, что адира Кира – восхитительный бриллиант, чарующий и завораживающий».

И еще Кира была умна.

И еще – она любила...

– Так все-таки каким ты нашла Маркополис? – с улыбкой спросил Помпилио. – Суетливым или спокойным?

– Слишком светским.

– Именно слишком?

– Иногда – чересчур.

– Мне показалось, тебе понравилось быть светской дамой.

– В этом есть определенный шарм, – согласилась Кира, поудобнее устраиваясь в объятиях мужа. – Еще я оценила пышность и размах, с которыми здесь устраивают праздники: и не могу не отметить, что на Кардонии не умеют так веселиться.

– Когда мы поедem на Андану, на Большой Бал Даров, ты поймешь, что значит уметь веселиться, – тихонько рассмеялся Помпилио. – Анданийцы обожают развлечения, в этом с ними никто не в состоянии соперничать.

– «Когда»? – шутливо произнесла рыжая. – Мое мнение здесь никого не волнует?

– У тебя другие планы?

– Когда состоится бал?

– Я предупрежу тебя за пару дней.

– Осторожнее, мы можем превратиться в завсегдаев светских салонов.

– Мне нравится, как ты блистаешь, – прошептал ей на ухо Помпилио.

– Для тебя это важно?

– Для меня важно, чтобы ты была счастлива, Кира, – ответил он. – Мне нравится видеть, как ты забываешь обо всем и громко смеешься... Как блестят твои глаза... Нравится вести тебя в танце и слышать музыку: и снаружи, и внутри. И, да – мне нравится, что я больше не приезжаю на балы в одиночестве. Мне нравится, что ты производишь впечатление и...

– Зануда.

– ...нравится, когда ты называешь меня занудой. Но больше всего мне нравится, что ты рядом со мной, Кира дер Даген Тур.

Девушка потерлась щекой о щеку мужа и негромко призналась:

– Иногда я чувствую пристальное внимание окружающих, их любопытство, иногда – навязчивое любопытство, но мне никогда не было неуютно, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Ты всегда рядом, и я знала, что могу в любой момент спрятаться за твоей спиной.

– Тебе ни разу не пришлось прятаться.

– Но я могла бы. И мысль о том, что ты рядом, придавала мне сил. И наполняла теплом. Мне нравится, что ты рядом Помпилио дер Даген Тур.

Они почти год шли друг к другу.

Сначала – не зная об этом, не видя и не чувствуя друг друга. Погруженные в собственные беды и переживания. Пребывая в поиске, но не догадываясь об этом. Не зная, чего ищут, шарахаясь из стороны в сторону и, кажется, отдаляясь... И вдруг – увидев рядом с собой того, кто может помочь. А потом – разглядев в этом «ком-то» единственного...

Почти год прошел с того момента, как на их свадьбе Кира тихо сказала: «Я тебя не люблю», до признания, которое они сделали друг другу. От людей, которые пытались спастись, до счастливой пары.

Они убили и похоронили прошлое.

И знали, что поступили правильно.

Вернувшись с Фархи, Кира и Помпилио две недели провели в Даген Туре, спрятавшись от мира в родовом замке, а затем отправились на праздник, который устроили власти Маркополиса в честь окончания реставрации собора Доброго Маркуса: все расходы взяло на себя Лингийское Алхимическое общество, изо всех сил стремящееся загладить вину за неосторожные высказывания во время проведения реставрации. На самой большой площади столицы развернулось народное гулянье с винными бочками, тушами на вертелах и обязательным фейервер-

ком, а в Ратуше устроили пышный бал, на который съехался цвет общества: лингийские дары, адигены, посланники других планет, промышленники... И Кира, для которой этот праздник стал первым после свадьбы настоящим выходом в свет, оказалась в центре всеобщего внимания.

И девушка справилась превосходно.

В первый вечер дорогих гостей чествовал дар Антонио, устроивший ужин «в честь долгожданного возвращения в свет моего возлюбленного брата и его прекрасной избранницы». Мероприятие получилось скромным, всего на две с половиной сотни гостей, и не нашло отражения в прессе. Женщины познакомились с Кирой, пытаясь понять, что отыскал знатный холостяк в рыжей инопланетнице, мужчины негромко и только лично поздравляли Помпилио с окончанием погони за Огнеделом. Месть, которой дер Даген Тур жил последние месяцы, свершилась, и именно это стало истинной причиной его возвращения.

Следующий день они посвятили неспешной прогулке по городу: Помпилио показывал Кире «свой» Маркополис, места, которые были ему памятны или дороги. Они побывали у Военной академии, в Галерее искусств... «В ней я провел изрядную часть свободного времени. – В Академии не преподают изящные науки? – Преподают, но мама считала, что недостаточно, поэтому я занимался дополнительно. – Ты умеешь рисовать? – Я бы не взялся за твой портрет, но кое-что изобразить могу»... А вечером их ждал театр, премьера знаменитого балета «Принцесса Эсмеральда», который наконец-то привезла на Лингу труппа великого анданийского театра «Август».

И лишь на третий день случился собственно праздник: большие гулянья, бал в Ратуше, танцы, фейерверк и снова танцы. Почти все мужчины в месварах – ведь это адигенский бал, женщины – в пышных, но не мешающих танцевать платьях. У Киры оно было ярко-синим, к цвету которого прекрасно подошел преподнесенный Помпилио сапфировый гарнитур.

С бала вернулись в пятом часу, проснулись в два пополудни и вот уже третий час наслаждались расслабляющим отдыхом на открытой террасе.

– Мне рассказали о тебе много интересного, – игриво сообщила девушка.

– Надеюсь, ты поверила всему, что услышала?

– А должна была?

– Разумеется.

– Что?! – не ожидавшая такого ответа Кира резко повернулась и посмотрела мужу в глаза. – Всеми?!

– Тетушки любят преувеличивать, но редко лгут, – едва заметно пожал плечами Помпилио. – В целом их историям можно доверять. Во всяком случае, в основных моментах.

– То есть про ту оперную диву...

– Правда, – кивнул Помпилио.

– И о том, что ты собирался жениться на дочери дара Генри?

– Вот это уже преувеличение, – рассмеялся дер Даген Тур. – Дядюшка Генри хотел выдать за меня свою младшую, чтобы наладить отношения с Антонио. Но я решил, что дружбу и доверие между семьями можно восстановить и без таких жертв, и помирил их с братом.

– А как же младшенькая?

– Счастлива. У нее уже двое детей.

– Тетушка Тереза до сих пор обижена на то, что ты отказал во внимании ее дочери. Она считает, что вы стали бы идеальной парой.

– И сказала об этом тебе?

– Как будто между прочим.

– Тетушка Тереза всегда отличалась некоторой прямолинейностью... Ей бы подошло командовать дивизией тяжелых бронетягов.

– Сколько раз тебя пытались женить?

– Я давно сбился со счета... – Помпилио выдержал паузу, после чего тихо спросил: – Тебя все это смущает?

– Нет, – спокойно ответила Кира, вновь прижимаясь к мужу. – У каждого из нас есть прошлое. Я немного смущена, но вовсе не рассказами о твоих похождениях, а тем, что вхожу в новый мир. Ты воспринимаешь происходящее естественно, ведь для тебя они свои: все эти дядюшки, тетушки, кузены и кузины. Ты с ними вырос, и тебе все равно, что делать: исследовать только что открытую планету, сражаться с пиратами или общаться с дарами в ложе театра.

– Меня всему этому учили.

– А у меня нет твоего опыта.

– Зато у тебя есть я, – улыбнулся Помпилио. – А опыт... Опыт не поможет тебе стать адигеной.

Фраза прозвучала неожиданно и чуточку обидно.

– А что поможет?

– Ничего.

– Ничего? – изумленная Кира вновь повернулась к мужу. – Ничего?

– Ты уже ею стала, – глядя жене в глаза, ответил Помпилио. Очень серьезно ответил. – Настоящим адигенам не нужно постоянно контролировать себя, думать над своими поступками и словами. Или это становится твоей сутью, или нет. Ты стала адигеной в тот миг, когда поняла, что не можешь пойти к алтарю ни в чем, кроме кисла.

– Откуда ты знаешь, что я это поняла? – прищурилась рыжая.

– Иначе ты ни за что бы его не надела.

– Может, я решила произвести впечатление на тебя и твоих родственников?

– Ты ни за что не надела бы кисл для этого, – по-прежнему серьезно произнес дер Даген Тур. – Когда ты увидела кисл, то поняла, что выйдешь замуж только в нем.

Это было правдой, но признаваться Кира не стала. Помолчала, улыбаясь, а затем полусмешливо продолжила:

– И поэтому ты решил, что я стала адигеной?

– Мне довелось побывать на многих свадьбах, и я знаю, как настоящие адигены идут к алтарю.

– Только поэтому?

– Я видел, как ты вела себя после свадьбы.

– Ты наблюдал за мной?

– Как только появлялась такая возможность.

– А я – за тобой, – призналась девушка. – Я не знала, как себя вести, и не хотела ошибаться. Не боялась ошибиться, а не хотела.

– Я понимаю разницу, – кивнул Помпилио.

– У меня получилось?

– Ты быстро научилась. Почти сразу.

– Я привезла паровинг и копалась в его моторе, наряженная в простецкий рабочий комбинезон.

– И никто из подданных не шутил на эту тему.

– Что это означает? – нахмурилась Кира.

– Они признали твое право на каприз, – объяснил дер Даген Тур. – Признали адигеной.

– Или они настолько тебя боятся, что не рискуют смеяться над твоей женой.

– Когда боятся – смеются еще громче.

– Или они тебя уважают.

– Они долго тебя принимали, Кира, но приняли – когда увидели в тебе адигену.

– Это важно?

– В нашем дарстве – да.

– Почему?

– Может, потому что больше половины даров Кахлес умерло не своей смертью, а в сражениях. Или потому, что в войне с Эдуардом Инезиром, выжил только один Кахлес – Розарио, а вся семья, включая женщин и детей, была вырезана галанитами.

Кахлеса погибали один за другим, но продолжали отстаивать свою честь и свою свободу. И последний представитель рода – Розарио, – тверже всех заявлял на переговорах, что Линга пойдет на минимальные уступки императору. Иначе – война до конца, каким бы он ни был. И во многом благодаря его неукротимости, Эдуард Инезир согласился предоставить Линге автономию в составе империи. Возможно, он считал, что заключил удачную сделку, однако его наследники вряд ли бы с этим согласились, поскольку во время восстания против Империи, именно Кахлеса возглавили самоубийственный десант на Галану, захватили Вечную Дыру – такой была задача, но на этом не остановились, оставили часть солдат удерживать Дыру, а сами, вопреки всем планам и доводам рассудка, бросились на штурм дворца, в котором проходило пышное празднование дня рождения императора Карлос-Луи III. На Галану отправились все потомки Розарио, включая двенадцатилетних мальчишек, возглавлял отряд лично дар Терио, месть стоила жизни двум его сыновьям, брату и шести племянникам, но дворец был взят и сожжен, а род Инезиров перестал существовать.

Эту историю – о том, как судьба династии висела на волоске, и как Кахлеса расплатились с Инезирами, – Кире рассказали едва ли не в первый день пребывания на Линге. Историю ее рода. Однако сейчас ей не хотелось говорить о грустном.

– Мне больше нравится сочетание: «право на каприз», – прошептала она, потянувшись, а потом еще сильнее прижавшись к Помпилио. – Значит, у меня оно есть?

– Но не советую им злоупотреблять.

– Зануда.

– Да, я такой, а ты – великолепна.

– Когда?

– Всегда. Ты великолепна каждое мгновение.

– Ты не объективен.

– И не должен быть.

– Пожалуй.

Кира закрыла глаза и с восторгом отдалась этому чарующему моменту. Восхитительному чувству спокойствия и умиротворения и абсолютной радости от того простого факта, что рядом находится любимый мужчина. Что можно никуда не спешить и ни о чем не думать, позабыть о заботах и просто наслаждаться тем, что они вместе. Лежать на диване, потягивая легкое белое вино, и любоваться прекрасным городом. Кира знала, что стоит ей захотеть, и этот чудесный момент продлится целую вечность, ведь у них с Помпилио есть все для того, чтобы посвятить свои жизни друг другу. Они смогут комфортно путешествовать, перемещаясь с одного светского раута на другой, соберут все удовольствия мира и...

Не смогут.

Девушка улыбнулась.

Безделье не для их энергичных натур, и все соблазны Герметикона не смогут их усыпить. И потому так ценен этот чарующий момент – тем, что он лишь часть интересной жизни.

– Мне нравится, что ты стал часто улыбаться, Помпилио.

– Мне нравится, что в твоих прекрасных глазах сияют звезды, Кира.

И они вновь замолчали, прижавшись друг к другу так тесно, что стали единым целым.

«Признаться, я не люблю суету.

Хотя... почему «признаться»? Я никогда этого не скрывал. И не скрываю. Все мои друзья и сослуживцы знают, что я не люблю суету, переезды и связанные с этим хлопоты, тяжело привыкаю к новым местам и тяготею к размеренной, раз и навсегда установившейся повседневности.

Вы спросите, как я, при всей своей нелюбви к суете и переездам, оказался в экипаже «Пытливого амуша»? Наверное, то была судьба...

Мне по душе тихая, мирная жизнь в небольшом городе на скромной, в меру развитой планете с сообразными удобствами. Мне нравятся блага цивилизации, но я не хочу, чтобы власти моей идеальной планеты страдали ненужными амбициями, способными привести к жестокой войне. И несколько лет мне везло: я жил в тихом, спокойном, немного сонном и очень приятном городе, на планете, мечтающей об одном – чтобы ее оставили в покое. Планета называлась Заграта, на ней я чувствовал себя счастливым, но... Но однажды чья-то неукротимая воля: то ли таинственных властителей, то ли закона развития общества, принялась безжалостно крушить старые порядки по всему Герметикону, пытаясь превратить нашу Вселенную в нечто новое и проливая при этом море крови. Заграту разрушили, обратили в революционный ад, возглавляемый беспощадными галанитами, и хотя, адигены навели на планете порядок, я никогда не вернусь в мир, где был счастлив. Не хочу видеть улицы, по которым гулял и на которых расстреливали мирных людей, не хочу вспоминать кровь и грязь, не хочу...

Я смирился с потерей тихой жизни и принял предложение мессера Помпилио Чезаре Фаха Мария Кристиан дер Даген Тур дер Малино и Куэно дер Салони стать членом команды «Пытливого амуша». Принял, во многом потому, что мессер, в отличие от несчастного короля Заграты, способен защитить то, что ему дорого, не только словом, но и делом: огнем, мечом, а при необходимости – не меньшей, чем у галанитов, жестокостью. Я выбрал Лингу, потому что ее нельзя изменить – только уничтожить, и даже Эдуард Инезир, основатель первой и последней на сегодняшний день межзвездной империи, обломал об эту планету зубы.

Что же касается переездов, которые «Пытливый амуш» совершает постоянно, они не имеют никакого отношения к той суетливой процедуре, о которой я упоминал и которая приводит меня в растерянность, а Олли – в раздражение. На «Пытливом амуше» я не переезжаю, а путешествую, причем вместе со своим домом. Да, как это ни странно прозвучит, наш исследовательский рейдер стал для меня своего рода домом: мне предоставлена отдельная комфортабельная каюта, в моем распоряжении великолепно оборудованная алхимическая лаборатория с потрясающим набором инструментов. Мне разрешено заниматься исследовательской и научной деятельностью – если это не вредит обязанностям судового алхимика, но главное – меня окружают умные, образованные и увлеченные люди, с которыми интересно общаться.

Второй раз в жизни я почувствовал себя счастливым.

И потому несколько растерялся, узнав, что мы должны отправиться на Тердан на совершенно неизвестном мне цеппеле «Счастливый цехин», да еще в компании совершенно неизвестных мне людей. То есть одним из этих людей будет Галилей Квадрига, астролог «Пытливое амуша», но Галилей, как, впрочем, все астрологи, сам по себе и не всегда понятно, отпустила его Пустота в последнем переходе или он еще блуждает среди Знаков... Что же касается синьора Урана Дюкри, то он, безусловно, человек интересный и положительный, одного того, что он спас адиру Киру, достаточно, чтобы составить мнение о его профессиональных качествах, однако до путешествия я не был с ним знаком, и это обстоятельство меня тревожило.

С другой стороны, я достаточно изучил мессера Помпилио, чтобы понять, что он не отправит своих офицеров с человеком, в котором не уверен. Но особенную мою печаль вызвало то обстоятельство, что на «Счастливом цехине» не оказалось оборудованной лаборатории, лишь минимально необходимый набор алхимических инструментов. Я понял, что всю поездку на Тердан придется отчаянно скучать, и погрузился в чтение...»
из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

///

«Какой же ты зануда, чтоб тебя в алкагест окунуло!»
из дневника Оливера А. Мерсы alh.d.

///

– Капитан!
– Да?
– Местные таможенники спрашивают, не возьмем ли мы груз до Виллемгофа?
– В наших бумагах сказано, что мы уходим порожняком и будем грузиться в Виллемгофе.
– Они их прочитали, – подтвердил вернувшийся из администрации порта цепарь. – И поэтому предложили взять груз.

– Ах, это... – только сейчас до Урана Дюкри дошло, что речь идет о небольшом, возможно, не очень честном дополнительном заработке. – Какое таможенникам до этого дело?

– Это сферопорт, капитан, – с улыбкой ответил цепарь. – Здесь кипит торговля, и всем до всего есть дело. Таможенники прочитали, что «Счастливый цехин» готовится уйти порожняком, удивились, посчитали, что мы ни с кем не сумели договориться о грузе, и решили помочь.

– Отправить свой груз?

– Мы в сферопорту, капитан, – повторил цепарь. – Здесь у всех есть свои грузы: у купцов, у бандитов, у военных, у таможенников – у всех. Глупо проходить мимо возможности заработать. – Цепарь помолчал и добавил: – Глупо и подозрительно.

Дюкри выругался.

Правда, молча выругался, про себя, чтобы не терять лицо перед подчиненным.

Выругался и подумал, что быть капитаном цеппеля – та еще головная боль.

Они стояли на Карле, последней планете перед Терданом, и получали массу заманчивых предложений о сотрудничестве. По той простой причине, что явились в сферопорт на «купце» и указали в документах порожний рейс.

«И в самом деле подозрительно», – признался Уран, однако, как выйти из ситуации, пока не представлял.

С точки зрения большого бизнеса и плановых перевозок торговые цеппели, которые весь Герметикон называл «купцами», были устаревшими, экономически неэффективными, странными и ненужными. Большой бизнес, обеспечивающий массовые грузовые перевозки между планетами, полагался на мощные камионы, таскающие под пузом огромные платформы. Причем платформы делали и открытыми, и закрытыми, что позволяло камионам брать любой груз. Но большой бизнес добрался далеко не до всех миров Герметикона, гонять между неразвитыми и небогатыми планетами гигантские грузовики не имело смысла, и потому все Пограничье летало на «купцах»: не очень больших, зато быстрых, надежных и многофункциональных, ведь «купцы» могли взять и груз, и пассажиров. Лететь в трюме, конечно, то еще удовольствие, но когда нет выбора, а билет недорог – почему нет? Желающие находились.

И еще – капитаны «купцов» всегда искали возможность подзаработать, о чем Уран Дюкри, офицер лингийской тайной полиции, совершенно позабыл.

– Как будем выкручиваться? – поинтересовался он у подошедшего старпом.

Старпом погладил бороду и приятно улыбнулся.

Несмотря на то что команда «Счастливого цехина» производила ровно то впечатление, которое и должна производить команда пограничного «купца», занимающегося и торговлей, и контрабандой: цепари выглядели в меру разгильдяями, а некоторые – опасными разгильдяями, все они были людьми надежными и состоящими на лингийской службе. Они знали, что участвуют в секретной операции, но в детали посвящены не были, и о том, что «Цехин» несет в себе не один, а два астринга, то есть может взять значительно меньше груза, чем обычный «купец», знали только старшие офицеры.

– Есть еще одна проблема, – тягуче произнес старпом. – Если мы придем на Тердан порожняком, местные таможенники нас наизнанку вывернут, подозревая контрабанду. У них там жестко.

– Нельзя было раньше об этом сообщить? – прохладно осведомился Дюкри.

– Раньше, это когда? – уточнил старпом. – До того, как мы окажемся на Тердане?

Уран едва не ответил: «Да», но сообразил, как это будет выглядеть, и повторно выругался. Про себя.

Старпом был настоящим капитаном, перешедшая на «Цехин» команда была его командой, и ему не нравилось, что главным на время операции – пусть даже номинально, поскольку цепари продолжали подчиняться ему, – назначен сторонний офицер.

Что же касается Тердана, планета действительно славилась жесткими, почти адигенскими порядками и нормами безопасности. Порожний «купец» обязательно привлечет внимание таможенников, они сообщат о подозрительном цеппеле полицейским, и за командой судна установят наблюдение, что в планы Дюкри не входило, поскольку для проведения расследования ему требовалась свобода маневра. Именно расследование привело их на Тердан: Помпилио хотел знать, откуда взялся «Счастливый цехин», и допрос предыдущего капитана дал им ниточку.

«Судно мне досталось пустым, без опознавательных знаков, однако я уверен, что оно построено на Тердане: только там баллоны с газом нумеруют в обратной последовательности – от кормы. А я видел следы старых надписей. Цифры стерли и покрасили, но сделали это без должного усердия, и я сумел разглядеть прежнюю нумерацию».

Других зацепок в распоряжении следователей не оказалось: предыдущая команда «Счастливого цехина» вошла на борт на Фархе и понятия не имела, откуда в распоряжении Огнедела появился странный цеппель, поэтому пришлось лететь на Тердан.

– Прошу урегулировать вопрос с грузом, – сухо распорядился Уран. – Мы должны покинуть сферопорт через три часа.

– Да, капитан, – отозвался старпом, избегая смотреть Дюкри в глаза.

Он избегал этого с первой минуты знакомства, поскольку Уран был на голову выше него и получалось, что старпом смотрит на него снизу вверх. А вот похвастаться мощным сложением Дюкри не мог, был худым, почти тощим, и завистники частенько именовали его Цаплей... Разумеется, за спиной: учитывая возможности и способности следователя тайной полиции, становиться его врагом рисковали только самые глупые представители криминального мира, и все они уже переселились на каторгу. Поскольку сейчас Уран играл роль капитана мелкого торгового судна, оделся он соответственно: крепкие цепарские ботинки, штаны-карго, тонкий тельник и легкая тужурка офицера торгового флота.

И фуражка, разумеется, куда же без нее?

– Кстати, вы не видели Галилея? – поинтересовался Уран, решив, что разговор о грузе окончен.

– Кого? – нахмурился старпом, идеально сыграв полнейшее непонимание.

– Галилея.

– Кто это?

– Наш астролог, – улыбнулся Дюкри, хотя ему хотелось придушить наглого помощника.

– Ах, ваш астролог... – протянул тот, выделив слово «ваш». – Нет, капитан, не видел, но может, быть ваш алхимик в курсе.

Ответил, не забыв, разумеется, повторно выделить «ваш».

– Спасибо за совет.

– Всегда пожалуйста, капитан.

– Не забудьте про груз.

– Я как раз собирался заняться этой проблемой.

– Три часа.

– Я помню, – кивнул подчиненный и направился в сторону администрации порта. Возможно, к таможенникам, возможно, к кому-то еще.

Уран проводил старпома взглядом, вздохнул и поднялся на борт.

– Кто-нибудь видел Галилея?

У оказавшихся на капитанском мостике рулевого и радиста, кажется, они играли в кости, вопрос вызывал приблизительно те же эмоции, что и у старпома, однако демонстрировать их они не стали, прекрасно понимая, что даже номинальный, временный капитан может отправить их в самый настоящий карцер. Правда, тоже временно.

– Никак нет.

– Объявите, что я хочу его видеть.

– Да, капитан.

Рулевой склонился к переговорной трубе и объявил приказ астрологу немедленно явиться к капитану.

– Мерса на мостик поднимался? – осведомился Дюкри через пять минут.

– Мерса?

– Наш алхимик.

– А-а, ваш алхимик, – рулевой покачал головой. – Тоже нет, синьор капитан.

– Возможно, он у себя в каюте, – предположил радист. – Ваш алхимик не часто ее покидает.

– Хорошо, – ответил Уран, направляясь к дверям. – Если на мостик поднимется Галилей, пусть явится в каюту алхимика.

– В чью каюту? – тихо уточнил радист, когда за капитаном закрылась дверь, и рулевой расхохотался.

Мерса действительно оказался у себя: сидел на койке и читал книгу. При появлении капитана он изобразил, что очень хочет подняться, но Дюкри махнул рукой, показав, что алхимик

может не напрягаться, и с грустью подумал, что распутывать преступления у него получается лучше, чем управляться со строптивой командой.

За годы службы в тайной полиции Уран изрядно поднатерел в актерском мастерстве и мог с легкостью сыграть любую роль. Ему доводилось изображать адигенов, в том числе знатных, контрабандистов, пиратов, торговцев оружием, военных, инженеров и бродяг. Его ни разу не раскрыли, но роль капитана оказалась чересчур тяжелой.

– Как ваши дела...

– Энди, – подсказал алхимик, поправляя очки и с сожалением откладывая книгу.

– Как ваши дела, Энди? – закончил Дюкри, обрадованный тем, что говорить придется с робкой версией Мерсы.

– Готовлюсь... э-э... к походу.

– Нашли общий язык с командой?

– Мы предпочитаем... э-э... не замечать друг друга.

– Отличное решение, – одобрил Уран, мысленно сожалея, что у него так не получится.

– Благодарю, капитан, – Энди машинально прикоснулся к книге, но отдернул руку. – Вы что-то хотели?

– Да, безусловно.

Присланный Помпилио алхимик – «Он лучший специалист в своей области, Уран, сейчас поверь, а когда убедишься – скажешь спасибо!» – оказался невысоким, худощавым мужчиной с унылой физиономией, на которой ярко выделялся большой мясистый нос. Его Мерса таскал на себе, как каторжники таскают чугунные ядра: с покорной обреченностью. Нос люди замечали в первую очередь и только потом, да и то не всегда, обращали внимание на маленькие серые глаза, очки, тонкие губы и вялый подбородок. И ловили себя на мысли, что не видят ничего интересного. Если бы не нос, Мерса мог называться человеком-невидимкой – настолько неприметным он был. В одежде алхимик предпочитал скромный костюм и не изменил себе сейчас, расположившись на койке в брюках, сорочке и жилетке. Пиджак, судя по всему, прятался в маленьком шкафу.

– Вы не видели Галилея?

– Полагаю, он... э-э... еще не явился на борт, капитан.

– Он покинул цеппель? – удивился Дюкри.

– Как только мы прибыли на... э-э... Карлу, – подтвердил алхимик.

– Почему вы мне не сказали?

– А должен был? – поднял брови Мерса.

Тот факт, что робкая половина алхимика рискнула проявить возмущение, показал Урану, что он несколько увлекся. Дюкри снял фуражку, вытер пот и улыбнулся:

– Извините, Энди, повседневные заботы старшего офицера оказались сложнее, чем я предполагал.

– Мне кажется, я вас понимаю... э-э... капитан, поскольку нахожусь точно в такой же ситуации, – задумчиво ответил Мерса. – Никто, вы уж мне поверьте, не замечает, как трудна моя... э-э... работа. Считается, что мы целыми днями бездельничаем в лабораториях, потом «быстренько создаем нужные смеси» и вновь возвращаемся к безделью. Никто не задумывается над тем...

Сначала Дюкри слушал алхимика внимательно, но через пару минут понял, что либо Мерса соскучился по живому общению, либо решил над ним поиздеваться, не пришел к однозначному выводу и свернул разговор:

– Если появится Галилей – скажите, что я жду его на мостике.

– Да, капитан, – кивнул Энди, возвращаясь к книге. – Будет неловко отправиться на... э-э... другую планету без астролога.

– На борту есть второй астролог, – язвительно напомнил Дюкри.

– Но ведь нам нужен именно наш, – отозвался Мерса, не отрывая взгляд от страниц: – Если мы где-нибудь забудем Галилея, мессер будет... э-э... весьма недоволен.

Об этом Уран знал и без алхимика.

Но понятия не имел, куда мог подеваться Квадрига. В каюте его не было, астринг оказался заперт, никто из цепарей Галилея не видел. Или врал, что не видел, потому что, когда встревоженный Дюкри вернулся на капитанский мостик, он застал астролога играющим в кости с рулевым и радистом, а просочиться через весь цеппель незамеченным Квадрига не мог при всем желании.

– Галилей!

– Капитан, – приятно улыбнулся астролог, придвигая к себе бутылку бедовки, чтобы показать, что пьет только он.

Дюкри перевел взгляд на рулевого.

– Мы сказали вашему астрологу идти в каюту вашего алхимика, но он решил задержаться.

– В данном случае «он» – это я, – зачем-то уточнил Квадрига.

– Это я понимаю, – отрезал Уран.

– Я сказал для себя, – не стал скрывать астролог. – Я должен четко понимать происходящее.

И хлебнул бедовки из горлышка.

– Почему вы не сообщили о появлении астролога? – сухо осведомился Дюкри.

– Вы не приказывали, – развел руками рулевой.

Радист кивнул, подтверждая слова товарища, а Галилей закрыл бутылку и снова улыбнулся.

Галилею Квадриге, бортовому астрологу «Пытливому амуша», а сейчас временно бортовому астрологу «Счастливого цехина», было лет тридцать пять, но выглядел он значительно моложе, почти юношей. Правда, немного болезненным юношей, на что намекали слишком бледная кожа и лихорадочный блеск, изредка появляющийся в больших темно-серых глазах. Лицо Галилей имел узкое, брови тонкие, волосы короткие, русые, плотно лежащие на голове, а уши – слегка оттопыренные. Квадрига был невысок, узкоплеч, обладал едва наметившимся «пивным» животиком, то есть не производил впечатление атлета, чему полностью соответствовала расхлябанная походка. Он одевался в тонкий трикотажный тельник с длинными рукавами, штаны с накладными карманами и легкие башмаки. А на шее носил ярко-зеленый шарфик.

– Галилей, где вы были? – осведомился Дюкри, старательно не замечая бутылку.

Точнее, не замечая того, что, когда он вошел, она стояла рядом с радистом, поскольку все астрологи Герметикона пользовались известными послаблениями и могли себе позволить употреблять в присутствии начальства.

– Я находился в астринге, капитан, готовился к походу, – неожиданно бодро отрапортовал Квадрига.

– Вы не слышали мой вызов?

– Трудно сказать, капитан. Возможно, слышал.

– И?

– Я ведь сказал: возможно.

Радист и рулевой принялись дружно прятать улыбки. Но не особенно старались, поэтому Уран их видел.

– Астрологическая служба готова к походу?

– Полностью, синьор капитан.

– Прекрасно.

Уран посмотрел в большое лобовое окно цеппеля и увидел приближающийся грузовик, на подножке которого стоял улыбающийся старпом. Ему потребовалось очень мало времени для «решения проблемы груза», а судя по довольной роже – дело намечалось прибыльным.

«Нужно было лететь на Тердан вместе с Бабарским, а Крачина заслать сюда, он все равно ходит у Дорофеева старпомом, вот и потренировался бы в управлении командой, – тоскливо подумал Дюкри. – Но нет, сам вызвался на «Цехин»! А Бабарский с Крачиным небось сейчас развлекаются напропалую...»

– Сука!

Громила выхватил нож. Выхватил с отточенной, профессиональной ловкостью, поэтому заметить, что в руке бандита появился тонкий, темного цвета клинок, мог только хорошо обученный боец.

Например, такой, как Аксель Крачин.

– Сука!

Громила никогда не имел дело с высококлассными противниками и действовал в привычной манере, искренне полагая, что появившийся нож Аксель не заметил: выкрикнул ругательство, сфинтил, показывая, что идет влево, и резко атаковал, намереваясь вонзить клинок точно под вздох.

И сильно удивился, поняв, что промахнулся.

В смысле, удивился бандит много позже, когда пришел в себя после мощнейшего прямого встречного, да еще усиленного кастетом – шутить с обитателями Омута Аксель не собирался.

Громила только летел к земле, а Крачин уже бил его напарника: локтем, возвратным движением, в голову и тут же в печень – с разворота. Второй удар оказался настолько мощным и сильным, что бандит с визгом сложился пополам и повалился на громилу.

– Скотина! – выкрикнул Бабарский и наподдал корчащемуся от боли уголовнику ногой.

– Ты говорил, что все пройдет тихо! – рявкнул Крачин.

– Откуда я знал, что они настолько тупые? – парировал Бабарский.

– Ты говорил: все схвачено! – напомнил Аксель, поднимая с пола саквояж с добычей.

– Сумма показалась местным уголовникам слишком большой, и они решили нас кинуть.

– Идиот!

– Делай свое дело или умрешь.

– А ты?

– Я выкручусь.

Дверь, которую они едва успели захлопнуть перед носом преследователей, пробили две пули. Крачин и Бабарский переглянулись и, не сговариваясь, бросились на улицу.

Люди творческие: драматурги, писатели и особенно поэты, то есть склонные к метафорам и ценящие тонкое слово, давным-давно нарекли сферопорты «городами, которые никогда не спят», и свято верили в то, что отыскиали и точное, и удивительно благозвучное определение, гениально связавшее великое искусство с серой повседневностью. Однако представители божьего сообщества крепко ошибались, думая, что веселые пирушки за полночь служат главным признаком неспящего города, потому что чуть позже, примерно за час до окончания

«собачьей вахты»², в «городах, которые никогда не спят», наступала тишина. Все сферопорты любят ненадолго прикорнуть, отдыхая от привычной суеты и шума. Бесчисленные окна темнели, гасла половина уличных фонарей, в больших, выстроенных «колодцами» домах запирались ворота, и на улицах становилось тихо...

Так тихо, что топот ног разносился, кажется, по всему району, четко показывая преследователям, куда направились беглецы. И это несмотря на то, что и Аксель, и Бабарский были обуты в ботинки с мягкими подошвами, без металлических набоек.

Но в ночном сферопорту даже кошки грохотали гусеничным бронетягом.

– Вот они!

– Вижу!

– Стреляй!

– Далеко!

– Стреляй!

И через секунду тишину разорвал грохот пистолетного выстрела.

– Нас заметили, – отрывисто сообщил Бабарский.

– Да, – коротко ответил Аксель.

– Сделай что-нибудь!

– Я делаю.

– Что?

– Берегу дыхание.

ИХ выругался, но всего парой слов. И замолчал, прислушавшись к совету Крачина.

Они были абсолютно, карикатурно разными: Аксель – высокий, мускулистый, Иоахим Христофор – низенький, полненький, однако мчались по улице с одинаковой скоростью, подгоняемые и воплями, и выстрелами.

– Стойте!

– Бросьте саквояж!

– Мы вас отпустим!

– Верните саквояж!

Громыкнуло еще два выстрела, но поскольку бандиты палили на бегу, с точностью у них возникли серьезные проблемы.

– Стойте!

– Размечтались! – отозвался Бабарский.

– Береги дыхание!

– Я не мог не ответить!

– Они не слышат!

– Не важно!

Важным было то, что на помощь полиции надеяться не приходилось, поскольку дело происходило не просто в Анамараке, сферопорту Анданы, а в районе Балдахин, власть в котором принадлежала криминальным авторитетам Омута. Стражи закона в Балдахин заглядывали редко, а люди по ночным улицам бегали часто. И с разным успехом: кто-то потом пил игристое на покидающем Андану цеппеле, кого-то находили в канаве.

И отдавать саквояж не имело смысла, поскольку сделка Бабарского была подтверждена Честным Зумом, и бандиты, рискнувшие пойти против его авторитета, не могли оставить свидетелей.

– Машина! – Крачин указал на припаркованный у публичного дома автомобиль. – Повезло!

---

² «Собачья вахта» – дежурство с 0:00 до 4:00.

Подбежал, на ходу извлекая из наплечной кобуры пистолет, и ударил рукояткой в водительское стекло.

– Дальше я! – ИХ просунул руку внутрь и открыл дверцу.

– Заведешь?

– Да.

Аксель развернулся, взяв под наблюдение и улицу, и вход в публичный дом.

– Почему ты их не убил? – поинтересовался возящийся с проводами Бабарский.

– Потому что я не убийца, – не оборачиваясь, ответил Крачин.

– А они – убийцы.

– Мы говорим обо мне.

– Ты мог их ранить. Пострелять по ногам, и нам не пришлось бы бежать через весь город.

– Хасина говорит, что физические упражнения полезны для здоровья.

– А пуля в грудь – нет.

– Не волнуйся...

Закончить Аксель не успел, поскольку послышался торжествующий вопль:

– Вот они!

Обрадованные бандиты потеряли осторожность, бросились к беглецам со всех ног и поплатились: Крачин вскинул пистолет и трижды надавил на спусковой крючок. Два уголовника упали на мостовую, ругаясь и держась за простреленные ноги, третий метнулся в тень переулка, двое других последовали за ним. Окрестные собаки не залаяли. Привыкли.

– Ты снова их не убил?

– Попроси у Хасины таблетки от кровожадности.

– Я сильно нервничаю.

– И успокоительное попроси.

Опомнившиеся бандиты открыли по беглецам огонь, но расстояние и неудобный угол – покидать безопасный переулок они не рисковали – не позволяли уголовникам как следует прицелиться, отчего все их пули угодили в стену дома напротив.

– Ты скоро?

– Уже.

В грохот выстрелов вписался рев заведенного двигателя, и Бабарский сварливо осведомился:

– Сколько тебя ждать?! – и надавил на акселератор.

Машина сорвалась с места так быстро, что Аксель едва успел вскочить на подножку.

– Ты саквояж не выронил?

– Заткнись!

Крачин бросил саквояж на задний диванчик, открыл дверцу, собираясь сесть на переднее сиденье, но замер.

– Что случилось? – насторожился ИХ.

– За нами погоня.

– Они добыли машину!

– Да.

– Проклятье!

Бабарский еще сильнее надавил на педаль.

– Думаю, на такой скорости мы успеем добраться до сферопорта, а там нас прикроет полиция... – продолжил Крачин, усаживаясь рядом и захлопывая дверцу. – Что ты делаешь?!

ИХ резко выкрутил руль вправо, и машина с трудом вписалась в поворот, возвращаясь к центру Балдахина.

– Никакой полиции!

– Почему?!

– Если попадем в полицию, мессер нас повесит.

Крачин понимал, что в данных обстоятельствах ИХ шутить не будет, поэтому от души выругался, но вновь достал пистолет, извлек магазин и принялся добавлять в него патроны:

– Ты же говорил, что все законно.

– Что может быть законного под Балдахином? – искренне удивился ИХ. – Аксель, ты не в себе? Я говорил, что все пройдет гладко.

– Я тебя пристрелю.

– И потеряешь водителя?

Но оба понимали, что это обещание Крачин вряд ли когда-нибудь исполнит.

– Что ты натворил? – осведомился Аксель, передергивая затвор.

В тот же миг со звоном разбилось заднее окно: преследователи открыли огонь.

– Ты можешь их убить? – поинтересовался ИХ.

– Что ты натворил?

– Ничего особенного.

Судя по гулкому звуку, следующие три выстрела преследователи сделали из дробовика, а картечь на таком расстоянии бесполезна.

– За что мессер тебя повесит?

– Мы договорились, что я не попадаю в полицию.

– Я об этом не договаривался.

– Значит, ты можешь сдаться и взять все на себя.

– Я не собираюсь сдаваться!

– В таком случае успокойся и доверься мне.

– Тебе? После всего, что ты устроил! – Выстрелов стало больше: в автомобиле преследователей сидело не менее пяти бандитов, четверо из них вылезли на подножки и азартно стреляли по беглецам. – Езжай быстрее.

– У них машина лучше.

Очередная пуля разбила правое зеркало. Бабарский бросил на Акселя быстрый, но весьма выразительный взгляд, тот вновь выругался, открыл было дверцу, намереваясь выбраться на подножку, но...

Бабарский действительно оказался отличным водителем, с неплохой реакцией и отменным чутьем на неприятности. Все вместе помогло толстенькому ИХ уйти от столкновения с вынырнувшим слева фургоном, резко взяв вправо. К счастью, справа оказался не очередной дом, а небольшой скверик, низенькую ограду которого разогнавшийся автомобиль снес, не заметив. Не потеряв скорости, проскочил через газон, ухитрившись увернуться от деревьев, но когда показалось, что сквер остался позади и нужно всего лишь сбить ограду с другой стороны, Бабарский на полном ходу врезался в невысокий и потому незамеченный постамент памятника. И в противостоянии гранита и машины победа досталась понятно кому. Стоящий на постаменте бронзовый генерал слегка покачнулся, но устоял, а вот левое переднее колесо автомобиля не удержалось и бодро покатилося в кусты.

– Твой ход, дружище! – отчаянно завопил Бабарский, но завопил напрасно.

Потому что Аксель прекрасно знал, что должен делать.

И умел это делать великолепно, поскольку был бамбадиром, человеком, познавшим Высокое Искусство. Пусть и не столь глубоко, как бамбадао, но достаточно, чтобы у преследователей не осталось шансов.

Аксель выскочил из автомобиля, держа в каждой руке по пистолету – на операцию Крачин взял пару вороненых «Сталлеров» с удлиненными и усиленными стволами жезарского сплава и увеличенными магазинами. Девятимиллиметровые пистолеты линггийского производства ложились в руки Акселя так мягко, словно были бамбадами. И отличались изумительной точностью... особенно – в умелых руках.

Первая пуля – водителю фургона. Вначале Крачин решил, что в них едва не врезался случайный работяга, но разглядел, что тот выбирается из кабины с дробовиком в руках, и не стал рисковать. Почти одновременно погиб водитель автомобиля преследователей – он оказался самой удобной мишенью. Получил пулю точно в лоб и уткнулся в руль. Машина остановилась, и стоявшие на подножках бандиты бросились к скверу... еще не сообразив, что бежать нужно в другую сторону. Их было всего четверо, поэтому Аксель не стал прятаться, а пошел уголовникам навстречу, выставив перед собой руки и стреляя так, словно каждый пистолет был снабжен оптическим прицелом.

Впрочем, чего еще ждать от бамбадира на дистанции в тридцать шагов?

Пять выстрелов потребовалось Крачину, чтобы уgomонить четверых противников. Он стрелял в грудь, и тяжелые пули с легкостью пробивали кости, швыряя уголовников на землю. Пять выстрелов – четыре трупа.

Когда все закончилось, Аксель убрал пистолеты, повернулся и мрачно посмотрел на стоящего с саквояжем в руках Бабарского. И услышал то, что мог сейчас произнести только ИХ:

– Что тебе помешало устроить все так с самого начала?

Крачин покачал головой и поинтересовался:

– Что в саквояже?

– На Тердане высоко ценятся сапфиры анданской огранки, вот я и решил прихватить небольшую коллекцию. Ты ведь знаешь, что я – лицензированный ювелир.

– Не знаю.

– Могу показать документы.

– Мерса делал?

– Кто же еще? – не стал отрицать пронырливый суперкарго. – Но сама операция с сапфирами – предельно честная.

– Почему ты просто не купил камни?

– Потому что в Омуте они вдвое дешевле, – как маленькому объяснил ИХ. – Налоги, понимаешь? В Омуте есть сборы, но нет налогов, что и делает мое предприятие эффективно прибыльным.

– А бандиты решили забрать твои деньги?

– Именно, – подтвердил толстяк. – Только деньги не мои: я веду дела, используя судовую кассу «Пытливого амуша». Интересно, правда: корабль стоит на ремонте, но продолжает приносить прибыль...

– Мне этого не понять, – признался Крачин.

– Поэтому ты старпом, а я – суперкарго. Каждый из нас на своем месте. А теперь пойдем, угоним еще одну машину: нам нужно как можно скорее попасть в сферопорт и сесть, в конце концов, на цеппель до Тердана, – Бабарский кашлянул. – От этой беготни у меня разыгралась астма.

– У тебя нет астмы, – пробурчал Аксель, направляясь вдоль улицы.

– Откуда ты знаешь? – возмущенно спросил семенящий справа ИХ. – Ты же не врач. И Хасина, чтоб из него пилюли повылазили, говорит, что у меня нет астмы, а я иногда начинаю задыхаться...

Минуты через три они нашли еще одну машину и на ней отправились в сферопорт.

Собаки так и не залаяли.

Все планеты Ожерелья, первые миры, освоенные покинувшими Изначальный мир людьми, некогда были адигенскими. Или принадлежали адигенам – так было принято выражаться у аристократов. Все они прошли долгий путь от расселения по Герметикону, через

Эпохи Распада, Инезирской династии и Белого Мора, испытав и радость побед, и горечь поражений, воюя между собой и внутри себя, создавая Вселенную по правилам, которые считали неизблемыми. Все они продолжали придерживаться древних традиций.

Все старые миры Ожерелья, за исключением Галаны. Планеты, которую даже самые сдержанные адигены называли «возмутительницей спокойствия». Планеты, которая подарила Герметикону первую и пока последнюю в его истории империю. Планеты, на которой день беспощадного избиения адигенов считался религиозным праздником – веселым и радостным.

При этом галаниты отринули не только «угнетателей», но и их культуру, заявив, что будут строить мир, полностью свободный от влияния адигенов. Мир, в котором само слово «адиген» будет вызывать неприязнь. Мир, которому они дадут новые правила и законы. И слово галаниты сдержали.

Они разрушили храмы и сровняли с землей крепости и дворцы. Поскольку не хотели, чтобы хоть что-то напоминало людям о старых временах. Новая архитектура была прагматичной, по мнению галанитов: «прекрасной в простоте», и ни в чем не совпадала с высоким адигенским стилем, в котором красоту не требовалось искать в сочетании прямых линий – она была его сутью. Галаниты уничтожили знатность по крови и дали новый ценз – по богатству. Ведь золото, как уверяли пропагандисты, может заработать каждый: талантом, умением или умом. И капелькой удачи. И ничего страшного, если к этому добавится щепотка подлости или беспринципности: золото не пахнет, его блеск затмит любую грязь. Его нельзя запятнать, потому что оно не знает слова «честь».

Золото стало богом Галаны.

А его главным храмом можно было назвать БейГатар – сферопорт и столицу. Город гигантских зданий, в каждом из которых истово поклонялись золоту. Город, в котором находилась Большая Галанитская биржа, оказывающая влияние на экономику всех планет, до которых дотягивались жадные галанитские руки, бесчисленное количество банков и несметное число офисов всевозможных фирм. Здесь круглые сутки продавали, покупали и снова продавали, брали в долг, возвращали долги и покупали долги. Здесь делали золото из железа, зерна и воздуха.

И здесь находилась штаб-квартира самой влиятельной организации Галаны и всего Герметикона, потому что не было в нем такого уголка, в котором бы не слышали о Компании. О знаменитой Остер-Кариданской компании, ведущей бизнес уже несколько столетий и ставшей главным символом Галаны.

Самая большая. Самая богатая. Самая беспощадная торговая корпорация современности...

Штаб-квартира Компании занимала небоскреб «Чер-чер», прямоугольный, как все вокруг. А на его последнем этаже находилась совещательная комната директоров-наблюдателей, группы управляющих и основных владельцев самого большого предприятия Герметикона. Группы настолько сплоченной, что друг друга ее участники называли не только по именам, но и по кличкам.

За круглым столом сидели Патриарх, который все организовал; смешливый и остроумный Клоун; Птицелов, мечтавший стать знаменитым орнитологом и написавший три учебника под псевдонимом; обладающий тонким музыкальным слухом Дудочник; с виду рассеянный, но весьма внимательный Шляпа; жадный Мельник; немного истеричный Поэт и Хитрый, по праву заслуживший столь говорящую кличку в столь непростом обществе.

Девятым директором-наблюдателем был молодой Везунчик, любитель ароматных сигар и маленьких собачек. Его звали Абедалоф Арбедалочик, он был плечист, высок и умен. И сегодняшний совет созвали по его просьбе.

– Наша встреча будет вновь посвящена противостоянию с адигенами... – начал Абедалоф, но был перебит язвительным Клоуном:

– Точнее, твоему противостоянию с одним из них?

Остальные директора обменялись понимающими улыбками.

Больше года назад Арбедалочик проиграл битву за Кардонию, не сумев организовать союзникам галанитов быстрый захват власти, и теперь богатая планета оказалась разделенной на две враждующие половинки, а статус-кво обеспечивали адигенские миротворцы. Помпилио дер Даген Тур принимал в тех событиях активное участие и едва не убил Арбедалочика, чем, естественно, вызвал гнев директора-наблюдателя и жгучее желание отомстить. С тех пор Абедалоф внимательно следил за действиями лингийца. Со стороны подобное преследование могло показаться мелким, недостойным высочайшего положения Арбедалочика, но происхождение Помпилио и тот факт, что он уже несколько раз обращал в пыль планы Компании, заставили коллег Везунчика с пониманием отнестись к его желанию расправиться с чересчур энергичным адигеном.

– Как вы знаете, несколько недель назад Помпилио едва не погиб на Фархе, – напомнил Арбедалочик, раскуривая сигару и медленно оглядывая коллег. – Причем неприлично заурядным образом: директор нашей Фактории планировал его повесить.

– Но не повесил, – уточнил Шляпа.

– Я был бы разочарован, но не расстроился бы, – буркнул Поэт. – Мы чересчур демони-
зируем лысого.

– Он сам демонируется, – не согласился Мельник. – Он перестрелял всех революционеров на Заграте, из-за чего Компания понесла колоссальные убытки. Нужно было убить его еще тогда.

– Пытались... – очень тихо прошелестел Клоун.

– Все надеялись, что он пропал, – обронил Птицелов.

– Живучий, мерзавец, – вздохнул Хитрый.

Директора-наблюдатели перебрасывались фразами, но пыхтящий сигарой Абедалоф им не мешал. Во-первых, он наслаждался «Масванским толстяком», самой ароматной сигарой Герметикона, а болтливые коллеги помогали ему спокойно пускать к потолку клубы дыма. Во-вторых, давным-давно сложившиеся отношения допускали на совещаниях абсолютно свободное поведение. Если участники хотели что-то обсудить – они обсуждали, если докладчику требовалось время подумать над ответом – он думал столько, сколько требовалось.

Директора-наблюдатели никуда не торопились.

Им принадлежало все время Вселенной.

– Везунчик, ты выяснил, что Помпилио делал на Фархе? – осведомился Дудочник.

– Об этом уже знает весь Герметикон, – ответил Клоун. – Лысый добрался до Огнедела.

– Исполнил мечту отомстить?

– Ага.

– Будем надеяться, что это его успокоит.

– К тому же он вроде бы женился? – подал голос Поэт.

– На дочери Винчера Дагомаро, – подтвердил Арбедалочик. – Я думаю, что Винчера убил брат Помпилио – дар Антонио.

– Как интересно, – наострил уши Хитрый. – Давайте устроим нашим недругам семейную пакость? Обожаю такие истории: поздний вечер, личный кабинет дара, старый проходимец Антонио полулежит в кресле, его лысая голова элегантно прострелена. Рядом, на ковре, корчится Помпилио с двумя пулями в животе. На его руках кровь, он хрипит: «За что?» А молодая жена холодно отвечает: «За моего папу!» И подносит дымящийся револьвер к голове. Звучит выстрел...

– Сколько таких сцен мы поставили, – усмехнулся Шляпа. – И специалисты нужны есть...

– Везунчик, ты можешь доказать свои слова? – хладнокровно осведомился Поэт.

– Увы.

– В таком случае мы только насмешим адигенов.

– Пожалуй.

– Везунчик, почему ты заинтересовался событиями на Фархе? – громко спросил молчавший до сих пор Патриарх. Он решил, что пора вернуться к делам.

– Сначала я не нашел в них ничего заслуживающего внимания, – не стал скрывать Абедалоф. – Прочитал отчет, пожал плечами, пожалел, что лысого не повесили, и отложил бумаги... А потом задумался над тем, как связаны с делом нечистые?

– У них вроде бы колония на Фархе? – припомнил Мельник.

– Огнедел ее сжег, – улыбнулся Арбедалочик. – И пытался убить весьма уважаемую ведьму, которая неизвестно что делала на провинциальной планете.

– Как любопытно, – протянул Клоун.

– Я тоже так решил, – кивнул Везунчик. – Я побывал на Ямне, неофициально главной планете нечистых...

– Нам это известно.

– ...и встретился с той ведьмой, – невозмутимо продолжил Абедалоф, не обратив никакого внимания на реплику. – Я задал ей неудобные вопросы, получил уклончивые ответы и считаю, что именно спорки прятали Огнедела целый год. Пока его искала вся адигенская полиция и напуганный ими Омут. Нигде больше террорист не смог бы укрыться.

– Ты можешь это доказать? – повторил вопрос Поэт.

– Увы.

– В этом случае информация бесполезна. Мы не сможем натравить адигенов на нечистых.

– Я этого и не хотел, – Арбедалочик пыхнул сигарой.

– Тогда зачем рассказал?

– Догадавшись о роли спорки, я задумался над тем, почему они помогли Огнеделу?

– Потому что они нечистые и Белый Мор сожрал их мозг! – выдал Птицелов.

Абедалоф вежливо улыбнулся.

– Потому что не любят адигенов? – предположил Шляпа.

Абедалоф покачал головой.

– Огнедел заплатил, – уверенно произнес жадный Мельник. – Это же очевидно.

Абедалоф глубоко вздохнул.

– Огнедел выполнял для них грязную работу? – Клоун почесал бровь.

– Близко, – кивнул Арбедалочик. – Грязную работу он для них делал, но эта плата слишком мала, чтобы оправдать риск возможной ссоры с адигенами, особенно – с лингийцами и Кахлесами. Я думаю, Огнедел предложил нечистым кое-что еще. Нечто ценное.

– Оружие?

Абедалоф загадочно улыбнулся.

– Мне одному кажется, что после возвращения у Везунчика стала проявляться тяга к излишней театральности? – громко спросил Поэт.

– Хватит тянуть кота за хвост, – поддержал коллегу Дудочник. – Везунчик, говори как есть.

Абедалоф бросил взгляд на Патриарха, увидел, что неофициальный глава совета директоров-наблюдателей тоже не в восторге от его манеры вести рассказ, и вытащил сигару из рта.

– Расследование велось тяжело, и я, признаться, едва не поставил на нем крест. Мы допрашивали спорки и выживших пиратов, мы изучили все, что произошло на Фархе, но ни на шаг не приблизились к разгадке. Но тайна была, в этом я не сомневаюсь, и тайна очень важная...

– Почему ты не сомневаешься? – перебил его Хитрый.

– Потому что только важная тайна могла заставить директора Фактории Спесирчика принять участие в тех событиях, – ответил Арбедалочик. – Думаю, Огнедел поделился ею в надежде договориться, и тайна эта произвела на Спесирчика столь сильное впечатление, что он согласился помочь Огнеделу в сражении с Помпилио. Правда, все закончилось не так, как было задумано.

И Огнедел, и Спесирчик, и весьма известный пират по кличке Рубака были убиты, а их тайна...

– Я почти опустил руки, но вскоре удача мне улыбнулась.

– Напомни, как тебя называют? – рассмеялся Патриарх.

Все знали, что он благоволит Везунчику.

– Да, именно так, – согласился Абедалоф. – Неделю назад в нашу инекскую факторию явился некто Фелди, простолюдин с Тердана, который рассказал, что служил Огнеделу и готов поделиться с нами интересной информацией. К счастью, директор Фактории знал о моем расследовании и позаботился о том, чтобы информация не затерялась в нашей бюрократии. Фелди оказался на Галане, – Арбедалочик не удержался – выдержал паузу. – И рассказал, что перед тем, как отправиться к спорки, Огнедел пытался договориться с терданами, но что-то у них не сложилось. В итоге Огнедел угнал у терданов экспериментальный цеппель и отправился к спорки.

– Терданское скопление... – медленно произнес Мельник. – Это очень, очень лакомый кусок, который мы никак не можем откусить...

– Терданы – дерзкие ребята, – хмуро бросил Поэт.

– Все, кто не признает нашу власть, – дерзкие, – поддержал его Птицелов. – А таких еще достаточно.

– Они создали весьма богатый союз, – продолжил гнуть свое жадный Мельник.

– Заполучив Терданское скопление, мы сможем закрепить в секторе Анданы, – развил его мысль Шляпа.

– Как ты это себе представляешь? – поднял бровь Хитрый.

– Теперь мы можем обвинить их в связях с террористом и окончательно рассорить с адигенами.

– Их отношения и так далеки от идеала.

– Если адигены узнают, что терданы прикрывали Огнедела, они могут оскорбиться, вплоть до разрыва торговых связей, – набросал примерный план Шляпа. – Скопление, конечно, самодостаточно, но межзвездная торговля выгодна, и терданами придется упасть в наши объятия.

– Как мы докажем связь терданов с террористом? – Поэт почесал затылок.

– Теперь у нас есть свидетель, – напомнил Шляпа.

Везунчик и Патриарх переглянулись, и это не укрылось от внимания Птицелова.

– Что не так? – спросил он, разглядев в глазах директоров грусть и сообразив, что разговор пошел в неправильном направлении.

– Цеппель, – вздохнул Абедалоф.

– Что цеппель?

– Огнедел угнал у терданов цеппель, возможно, именно благодаря ему он сначала договорился с нечистыми, а потом убедил директора Спесирчика помочь ему в сражении с Помпилио, – объяснил Арбедалочик. – Цеппель и есть тайна, которую мы считаем важной.

– Если мы возьмем Тердан, они расскажут нам и о цеппеле, и обо всем остальном, – пожал плечами Мельник. – Вы ведь сами это понимаете.

И покосился на Патриарха. Тот едва заметно качнул головой.

– Мы еще не взяли Тердан, – произнес Абедалоф, спуская разгоряченных директоров-наблюдателей с небес на землю. – Терданы – дерзкие ребята, их на простой шантаж не

взять. Адигены хитры и могут решить так: Огнедел все равно мертв, а значит, нет причины наказывать терданов за то, что они, вполне возможно, и не делали. Ведь все наши доказательства – это слова полуграмотного простолюдина.

– Согласен, – весомо обронил Патриарх.

И в зале воцарилась тишина.

– Помимо всего прочего, этот Фелди рассказал, что терданы организовали мощный научный центр, ведущий разработки в интересах армии, – продолжил Арбедалочик, сдвигая сигару в пепельнице. – Именно оттуда Огнедел угнал цеппель.

– Но в чем заключается тайна цеппеля, твой Фелди не знает, – произнес Хитрый.

– Не знает, – подтвердил Везунчик. – Но я еще раз тщательно изучил документы и заметил, что вскоре после бегства Огнедела с Тердана и его предположительной договоренности со спорки в тинигерийском секторе подпрыгнула статистика гибели грузовых цеппелей.

– А Фарха находится в тинигерийском секторе, – протянул Мельник.

– Грузовики захватывали пираты? – быстро спросил Птицелов.

– Они перестали выходить из Пустоты.

– Как интересно, – поднял брови Шляпа.

– Думаешь, это связано? – прищурился Клоун.

– У меня есть только косвенные доказательства, – улыбнулся в ответ Абедалоф. – После смерти Огнедела статистика вернулась к нормальным величинам. Так что я не думаю – я уверен, – и вновь выдержал паузу. – Предположение такое: терданы разработали способ атаковать цеппели в Пустоте, Огнедел угнал у них опытный образец и провел, скажем так, полевые испытания.

– А спорки тут при чем?

– Скорее всего, повелись на новую технологию, – пожал могучими плечами Арбедалочик. – За такой цеппель и мы, и адигены заплатили бы кучу денег.

– Но Огнедел решил не делиться, – догадался Мельник. – Огнедел решил обмануть нечистых и заключить сделку с нами. Для этого к нему прибыл директор Фактории.

– А Помпилио их убил? – уточнил Поэт.

– Не уверен, что Помпилио знал о цеппеле, – покачал головой Абедалоф. – Лысый просто гонялся за Огнеделом и в конце концов поймал. – Он достал еще одну сигару и оглядел задумавшихся директоров: – Что скажете?

– Ты герой, – выразил общее мнение Патриарх. – На большую похвалу пока не рассчитывай.

– И говори, что собираешься делать? – добавил Поэт.

– Хочу отправиться на Тердан и провести расследование, – ответил Арбедалочик. – Хочу найти этот научный центр и узнать, что они там напридумывали. Если мое предположение верно, терданы не имеют права на это открытие.

– Тайное расследование? – спросил Клоун.

– Да.

– Не сомневался в ответе.

– Что не так?

– Если ты накосячишь, мы можем рассориться с терданами, а у нас на носу подписание нового торгового договора.

– А если мой план сработает, мы сможем продиктовать условия этого договора.

– Или ты все испортишь! – Было видно, что Клоун, который отвечал за взаимоотношения с Терданом, недоволен вмешательством Абедалофа.

– Что ты предлагаешь? – осведомился Дудочник.

– Я как раз планировал посетить Виллемгоф, – ответил Клоун, глядя Арбедалочнику в глаза. – Будет разумно предложить терданам сделку.

– Получится, что ты их предупредишь, – насупился Абедалоф.

– Ты боишься трудностей?

Арбедалочик сжал кулак, но промолчал.

– Это предложение нужно взвесить, – решил Патриарх. – Продолжим обсуждение завтра.

В их спальне было так много окон, что утреннее солнце иногда терялось, не зная, в какое заглянуть первым. А растерявшись – выбирало все окна сразу, надеясь наполнить большую комнату светом, и отступало, натолкнувшись на темную ткань. Но продолжало упрямо посылать лучи, пытаясь отыскать щели в обороне плотных штор, проскользнуть в них и рассказать спящим, что день уже начался и нужно подниматься, потому что он – этот день – будет замечательным.

Нужно выйти на широкую террасу, полной грудью вдохнуть чистый, свежий воздух и насладиться восхитительным видом на огромное, самое большое на Линге, озеро, подступающие к берегу горы, вершины которых терялись в дымке утреннего тумана, широкую плодородную долину и прелестный старинный город, раскинувшийся там, где зеленая грудь долины встречалась с голубым простором озера.

Под чистым лазурным небом, которым славилось владение Даген Тур – родовое гнездо самого знаменитого путешественника Герметикона.

Замок Помпилио был выстроен на высокой скале, чтобы его пушки держали под прицелом удобнейшее для десанта побережье, и даже сейчас, в эпоху воздушного флота и тяжелой артиллерии, казался неприступным. Он был красивым, поскольку последний раз его перестраивал художник, а не военный, но неприступным, поскольку художник был лингийцем и адигеном. А у подножия скалы был разбит прекрасный парк, тянувшийся вдоль берега озера Даген на добрую половину лиги, плавно переходя от регулярного к дикому. Правда, с террасы спальни парк совсем не было видно, но Киру это не смущало: ей было достаточно любоваться парком во время прогулок.

А вот великолепный вид на Даген Тур девушка полюбила с первого взгляда. С того момента, как несколько месяцев назад впервые оказалась на Линге.

Они прилетели ранним утром. Дорога получилась долгой и утомительной, к тому же Кира только-только пережила смерть отца и его похороны, плохо себя чувствовала, и Помпилио разбудил ее всего за десять минут до того, как цепель пришвартовался к Штандарту, увидел, что рыжая совсем слаба, и на руках отнес в комнату, которая тогда еще не стала их спальней. Вышел с ней на широкую террасу, кольцом охватывающую башню, постоял, давая невесте возможность оглядеться и тихо сказал:

– Все, что ты видишь, скоро станет твоим.

Но в то мгновение девушка не осознала смысл фразы: она была поражена чудесной картиной. И долго, очень долго смотрела на мир, который решила считать своим.

Который вскоре стал ей родным.

Не сразу, но стал.

С тех пор Кира видела Даген Тур сотни раз: и ранним утром, только просыпающимся, и рабочим днем – деловым, тихими или шумными вечерами – развлекающимся или отдыхающим, и спящим ночью. Видела под дождем и ярким солнцем, видела веселым, празднующим и отчего-то мрачным, даже хмурым, видела разным, но не смогла бы объяснить, что именно заставило основателя династии Кахлес влюбиться в это захолустье и назвать его сердцем дарства. И почему его лысые потомки никогда не превращали Даген Тур в официальную резиденцию, но проводили в нем больше времени, чем в своих дворцах. Не смогла объяснить, но сама стала называть городишко «жемчужиной» и улыбаться, думая о нем.

Но в последнее время Кира получала от созерцания увиденного намного больше радости и удовольствия, поскольку теперь любовалась им не одна, скучая на широкой террасе, а в объятиях любимого мужчины, или стоя рядом с ним и касаясь его плечом, или сидя, держа за руку. И мир, который ее восхищал, заблистал новыми красками, стал не только красивым, но и теплым. Стал по-настоящему родным.

А комната, в которую Киру когда-то внес на руках Помпилио, из ее спальни превратилась в их спальню. Девушка захотела так: чтобы муж пришел к ней, а не наоборот, чтобы он наполнил ее маленький мир собой, и Помпилио не стал спорить.

– Помпилио... – Кира повернулась и, не открывая глаз, провела по соседней подушке рукой. – Помпилио...

Но лысой головы мужа не обнаружила и улыбнулась: привыкший к путешествиям Помпилио часто поднимался намного раньше, иногда – еще до рассвета, и тихо уходил, не желая будить жену.

– Помпилио... – Кира потянулась, на мгновение став похожей на довольную рыжую кошку, после чего прищурилась: – Кажется, ты что-то задумал...

А затем вскочила и потянула за шнур, одновременно раздвигая шторы на всех окнах спальни и впуская в комнату яркий свет нового дня.

Некогда, в те времена, когда замком Даген Тур владели дары Кахлес, этот зал назывался Тронным. Он был не самым большим – находящийся на первом этаже Бальный зал превосходил Тронный в два раза, – и не самым роскошным, но очень красивым. Украшенным каменной резьбой и расписанным лучшими мастерами старинной петрийской школы. Зал производил впечатление, но без вычурности и уж тем более – без официоза. После того как владение Даген Тур перешло к Помпилио, необходимость в Тронном зале отпала. Прекрасный трон вернулся в резиденцию дара Антонио, а в освободившемся помещении Помпилио распорядился обустроить рабочий кабинет, в котором проводил большую часть свободного времени. Здесь стояло несколько письменных столов, шкафы с книгами и отчетами различных Астрологических обществ, висели звездные и географические карты.

В кабинете Помпилио встречал гостей, диктовал отчеты о путешествиях или готовился к следующим. Или просто узнавал, что в Герметиконе нового.

– В своих перспективных планах Астрологический флот наконец-то вернулся в лингийский сектор и планирует продолжить исследование Северного Бисера, – доложил Теодор Валентин, держа в руках лист с сообщением, но не заглядывая в него. В обязанности слуги, помимо прочего, входило чтение почты, причем – всей приходящей почты, и он давно научился запоминать большие тексты. – Лингийское Астрологическое общество в восторге. Председатель Роже дер Карчер прислал письмо, с вопросом, не желает ли мессер присоединиться к путешествию?

– Ядреная прищипа! – проворчал Помпилио. – Где взять столько времени?

Облаченный в тонкий, расшитый золотом домашний халат, он с комфортом развалился в любимом кресле, держа в руке чашку с горячим кофе, но смотрел не на слугу, а в одно из раскрытых окон. В то, из которого был хорошо виден эллинг «Пытливому амуша».

– Совершенно с вами согласен, мессер, – поддержал хозяина Теодор.

– Они предполагают что-то интересное?

– Лингийский звездный сектор будет исследовать Девятнадцатая Астрологическая экспедиция под командованием капитана Алистера дер Жи-Ноэля.

– Хороший капитан, – кивнул Помпилио. – Если не ошибаюсь, верзиец?

– Совершенно верно, мессер, – подтвердил Валентин. – Дар Дерек считает его одним из самых перспективных капитанов Астрологического флота. И иногда в шутку говорит, что капитан дер Жи-Ноэль со временем превзойдет вас.

– Прекрасно...

– Я тоже воспринял эти слова дара Дерек с иронией, мессер.

– Не сомневаюсь, Теодор.

– Да, мессер.

Теодор Валентин служил дер Даген Туру больше двадцати лет. Он стал первым слугой Помпилио, сопровождал хозяина во всех путешествиях, и мессеру даже в голову не могло прийти, что кто-то способен занять его место. Всегда спокойный и хладнокровный Валентин носил строгий черный костюм с жилетом, блестящие туфли, идеально белую сорочку и перчатки. Ростом он был высок, на полголовы превосходя коренастого Помпилио, лицо имел вытянутое, волосы черные, с проседью, аккуратно зачесанные на пробор, носил бакенбарды и тоненькие усики. В последнее время в правом глазу все чаще появлялся монокль.

Главной же особенностью Валентина было умение делаться заметным лишь в те мгновения, когда он был действительно нужен, а все остальное время держаться в тени.

– Какова цель Девятнадцатой экспедиции? – поинтересовался Помпилио, продолжая смотреть в окно.

– Капитан дер Жи-Ноэль рассчитывает отыскать на Пелерании точку перехода на одну из пригодных для жизни планет Туманности Берга, – сообщил Валентин, доливая в чашку хозяина кофе.

– До сих пор это никому не удавалось.

– Капитан дер Жи-Ноэль полон решимости досконально исследовать Пелеранию.

– Надеюсь, у него получится.

– Да, мессер.

Туманность Берга была заветной целью исследователей лингийского сектора Северного Бисера. До сих пор считалось, что ее планеты недостижимы для межзвездного прыжка, и это ставило крест на дальнейшей экспансии Линги в направлении Туманности, и если дер Жи-Ноэль сумеет отыскать рабочую точку перехода, он станет героем.

– Теодор, напомни, сколько миров он собирается найти в Туманности?

– По оценкам Астрологического общества, в ней находится не менее десяти пригодных для жизни планет.

– То есть мы получим пограничное скопление, которое можно будет развить с целью дальнейшей экспансии.

– Совершенно верно, мессер.

– Да, пожалуй, ты прав: будет интересно, – было видно, что Помпилио загорелся планами Флота. – Десять планет! Когда они собираются отправляться?

– Точная дата не определена, однако подготовка идет полным ходом. Корабли Девятнадцатой экспедиции начали прибывать на Лингу.

– Почему они сразу не отправились на Пелеранию?

– Наши дары пообещали Флоту массу дополнительного снаряжения и готовят для Экспедиции не менее двенадцати вспомогательных судов.

– Дядюшки почуяли добычу.

– Да, мессер, – Валентин помолчал. – Что ответить адиру дер Карчеру?

– Ядреная прищпа, Теодор, ты прекрасно знаешь, что нам придется ответить дядюшке Роже, – недовольно ответил Помпилио. – В ближайшее время нам есть чем заняться.

– Да, мессер.

– Позвольте добавить, что, на мой взгляд, было бы разумно отложить нашу экспедицию в Туманность Берга до полной починки «Пытливый амуш», – подал голос сидящий в соседнем

кресле Дорофеев. До сих пор капитан молча пил кофе, внимательно слушая доклад Валентина, но, увидев загоревшиеся глаза Помпилио, решил напомнить о себе.

– Безусловно, Базза, – кивнул дер Даген Тур. – Я не рассматриваю возможность серьезного похода на каком-либо ином цеппеле.

– Благодарю вас, мессер.

– Кроме того, у нас полно времени: я не хочу рисковать и прыгать на неосвоенные планеты до установки Сфер Шкуровича.

– Совершенно с вами согласен, мессер, – кивнул Валентин. – Лишний риск не всегда разумен.

– Хочу напомнить, Теодор, что я – известный сорвиголова, бесстрашный исследователь и пионер, – скучным голосом произнес Помпилио. – Риск – мое... – он быстро посчитал на пальцах свои имена, сбился, кажется, на пятом и закончил: – Риск – одно из моих имен. Все это знают.

– Да, мессер.

– Я всего лишь хочу дождаться, когда «Амуш» будет полностью отремонтирован.

– Да, мессер.

– К тому же поиск точки перехода – крайне скучное и однообразное занятие, удовольствие от которого способны получать исключительно астрологи.

– Вы абсолютно правы, мессер.

– Я знаю.

Экспансия Герметикона проходила по старой, давным-давно отработанной схеме. Сначала астрологи тщательно изучали ближайшие к пограничному миру звездные системы в поисках пригодных для жизни планет. Если таковые находились, начинался поиск точек перехода – мест, из которых можно совершить грандиозный прыжок через Пустоту, преодолев за несколько минут гигантское, измеряемое триллионами лиг расстояние. В случае успешного завершения второго этапа на планету отправлялся передовой отряд Астрологической Экспедиции: грузовой цеппель со Сферой Шкуровича, неугасимым маяком, на чей сигнал наводили корабли бортовые астрологи. Самые опытные из них могли построить и удержать переход на саму планету, не связывая корабль и Сферу незримыми узами, но такие прыжки считались опасными и часто приводили к катастрофам.

А место установки Сферы Шкуровича становилось сферопортом – воротами планеты в огромный мир Герметикона.

– К тому же неизвестно, сумеет ли капитан дер Жи-Ноэль найти точку перехода.

– Верно, – благосклонно кивнул Помпилио. – Но мы, лингийцы, должны надеяться на лучшее. Будем верить, что усилия капитана принесут результат, а значит, рано или поздно мы окажемся в Туманности Берга... Базза, как продвигается ремонт «Амуша»?

Этот вопрос дер Даген Тур задавал регулярно, то есть – несколько раз в день, и его капитан знал, что должен ответить:

– В точном соответствии с планом работ, мессер.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Хорошо... – Помпилио помолчал. – Еще кофе?

– М-м...

– Теодор!

– Да, мессер, – Валентин долил в чашку Дорофеева кофе. – Булочку?

– Спасибо, Теодор, я сыт.

– Как вам будет угодно.

Базза Дорофеев, капитан исследовательского рейдера «Пытливый амуш», был единственным во всем Герметиконе человеком, кому Помпилио говорил «вы». Что побудило его принять

такое решение, не знал никто, даже Теодор, но факт был налицо, и этот факт поднимал авторитет капитана на недостижимую высоту: как нужно относиться к человеку, которому говорит «вы» тот, у кого для даров, королей, президентов и прочих сильных мира сего есть исключительно «ты»?

Дорофеев этим отношением дорожил, но никогда не показывал, что он – ровня Помпилио.

Что же касается внешности, она выдавала в Баззе типичного верзийца: густые каштановые волосы, крупное, грубоватое лицо с широкими скулами и тяжелым квадратным подбородком, темные глаза. В целом заурядное лицо, необычность которому придавал длинный старый шрам от сабельного удара: он тянулся от лба до подбородка, и, судя по всему, левый глаз Базза сохранил чудом. Шрам капитан приобрел во время штурма Бреннана: в свое время Дорофеев считался одним из самых дерзких пиратов Герметикона, и так достойно сражался против посланной на усмирение пиратской планеты армады, что изумленный Помпилио спас его от виселицы и сделал своим капитаном.

– Я собираюсь посетить элинг в ближайшее время.

– Очень хорошо, мессер.

– Возможно, сегодня.

– Мы будем ждать, мессер.

Во время событий на Фархе «Пытливый амуш» вел бой против вооруженного пушками импакто, победил, но получил тяжелейшие повреждения и едва не погиб. Помпилио приезжал в элинг не каждый день, и потому на утренних совещаниях говорил о своем визите, как о возможном, а не обязательном.

– Как вы находите качество выполняемых работ, Базза?

– На высочайшем уровне, мессер, – спокойно ответил Дорофеев.

– Хорошо...

– Позвольте вопрос, мессер?

– Разумеется.

– Может, вы не будете спешить с расследованием до окончания ремонта?

– Увы, это невозможно.

– Но...

– Базза, я знаю, вы не хотите отпускать меня в путешествие, но волноваться не следует: все под контролем.

– В прошлый раз вы говорили точно так же, – заметил капитан, намекая на предпринятое дер Даген Туром путешествие на Фарху, которое едва не закончилось его гибелью. Несколько раз чуть не закончилось гибелью, потому что началось путешествие с того, что Помпилио хотели повесить...

– Тем не менее, Базза, в прошлый раз все закончилось благополучно, – с нажимом произнес дер Даген Тур.

– Да, мессер.

– А еще, в результате тех событий, я обрел семейное счастье...

– Чему я несказанно рад, мессер.

– Я, в целом, тоже, – не стал скрывать Помпилио. – Однако в последнее время явственно ощущаю позыв к глубоким философским размышлениям.

– Это нормально, мессер, если мне будет позволено высказаться, – неожиданно произнес Валентин.

– Теодор, откуда тебе знать? – вздохнул дер Даген Тур, отдавая слуге чашку с недопитым кофе.

– Если верить наблюдениям, которые я веду на протяжении многих лет, все мужчины, обретшие семейное счастье, постепенно становятся философами.

– Абсолютно все? – недоверчиво прищурился Помпилио, который внезапно не захотел быть «одним из всех». – Ты уверен?

– Те, чей интеллектуальный уровень это позволяет, – поразмыслив, уточнил Валентин.

– Вот здесь ты прав, Теодор: далеко не всякий мужчина сумеет выразить переживаемые чувства в форме изящного философского эссе.

– Да, мессер.

– Я – могу.

– Безусловно, мессер.

– Правда, я еще ничего не написал, но, возможно, вскоре возьмусь за перо.

– Это будет удивительный опыт, мессер.

– Базза!

– С полным сочувствием, мессер, – ляпнул задумавшийся капитан.

– Что вы сказали?

– Прошу прощения, – опомнился Дорофеев. – Как вам будет угодно, мессер.

– М-да... – Помпилио потер подбородок, затем перевел внимательный взгляд на невозмутимого Валентина, выискивая на лице слуги признаки улыбки, не нашел и вновь обратился к капитану: – Базза, вы знали, что так будет?

– Ни в коем случае, мессер, ведь у меня нет подобного опыта.

– Гм... пожалуй.

– Но я с удовольствием изучу ваш, – неожиданно продолжил капитан «Амуша». – На будущее.

В этот раз Валентин удержал спокойствие с огромным трудом.

– Это мой долг: быть примером для подданных.

– Именно так, мессер.

Некоторое время в кабинете царила тишина, а затем Помпилио осведомился:

– А что, Базза, не хотите ли и вы жениться? Можем устроить прекрасную церемонию... да и подданные обрадуются дополнительному празднику. Жизнь в Даген Туре достаточно скучна, как вы наверняка знаете.

– Я пока не думал о женитьбе, мессер.

– Это событие не всегда происходит обдуманно.

– Я это запомню, мессер.

– Конечно... – дер Даген Тур вздохнул, пошевелил пальцами, словно подбирая следующие слова, но произнести их не успел.

– Помпилио, ты здесь? – Кира вошла в кабинет, и мужчины тут же поднялись с кресел.

– Кира, – на лице Помпилио появилась улыбка. – Доброе утро.

– Доброе утро.

– Адира, – склонил голову Дорофеев.

– Капитан, рада вас видеть. Теодор... Помпилио, я вас не отвлекла?

В отличие от мужа, который по старой привычке позволял себе разгуливать по замку в халате, адира дер Даген Тур вышла в скромном домашнем платье и с уложенными волосами. Без косметики, однако даже сейчас, вскоре после сна, она Кире не требовалась: прелестная девушка дышала свежестью.

– Мы как раз заканчивали, – мягко произнес дер Даген Тур, беря жену за руку.

– Планировали очередной поход?

– Изучали планы Астрологического общества.

– И как они?

– Весьма интересны.

– Ты завтракал?

– Еще нет – ждал тебя... Теодор?

– Стол будет накрыт через четверть часа.

– Прекрасно... Базза, вы составите нам компанию?

– Боюсь, что не смогу, мессер, – ответил капитан. – Прошу разрешения вернуться в эллинг.

– Конечно...

Дорофеев кивнул и вышел. За мгновение до этого кабинет покинул Теодор, и Помпилио остался с Кирой наедине.

– Что ты задумал? – прошептала рыжая, прижимаясь к мужу.

– С чего ты решила, что я что-то задумал?

– Потому что я тебя знаю, – она посмотрела Помпилио в глаза. – Я знаю тебя лучше всех...

Глава 2, ***в которой Помпилио и Кира готовятся к*** ***путешествию, галаниты слетаются на Тердан,*** ***Дюкри изучает Карусель, Фелди слышит то,*** ***что не должен слышать, а Бабарский и Аксель*** ***завершают относительно честную сделку***

Любой адиген – воин.

Хороший или плохой, трусливый или безрассудный, бешено прущий напролом или предпочитающий бить в спину – не важно. Это не важно, ибо существует аксиома: любой адиген – воин. И даже избрав гражданскую или научную карьеру, адиген все равно останется воином, хотя бы в душе. Он постоянно слышит бесконечные истории о славном прошлом своей семьи, а среди его друзей, родственников и знакомых полным-полно действующих офицеров. Он знает, что его могут вызвать на дуэль – кодекс усложнился, но не был отменен, – и умеет держать оружие.

Потому что любой адиген – воин.

Когда-то они были всадниками, несокрушимыми рыцарями, с головы до ног закованными в стальные латы, с легкостью выдерживающие удары стрел, мечей и даже копий. Когда-то они олицетворяли собой саму Войну, и противостоять им на полях сражений могли только равные, столь же хорошо обученные и снаряженные воины. Когда-то один-единственный рыцарь мог решить исход исторического сражения, обратив в бегство полтысячи пехотинцев, как это случилось в битве при Фенчинге, в результате которой на Андане сменилось пять даров из двенадцати. Но те времена давно канули в Лету. Пушки и огнестрельное оружие изменили тактику боевых действий, и легендарные доспехи отправились на вечное хранение в арсеналы родовых замков. Бог полюбил большие батальоны, артиллерийские батареи и цеппели, однако адигенам не давала покоя мысль, что огнестрельным оружием можно научиться владеть так, чтобы на поле вернулся «Король сражений», способный в одиночку одержать победу.

И в мир явился Хоэкус – Высокое Искусство достижения цели, сложная, оттачиваемая в течение столетий система жесточайших физических тренировок и философских воззрений, призванная сформировать идеального воина. Своей главной цели – создать бойца, способного в одиночку решить исход битвы, Хоэкус не добился и не мог добиться в эпоху пулеметов и бронетягов, однако в ближнем бою, в перестрелках и дуэлях бамбальеро – так называли адептов Высокого Искусства, – не было равных. Они действовали уверенно и хладнокровно, они все видели и везде успевали, они великолепно разбирались в алхимических смесях и могли составить патрон для любого выстрела, хоть на десять метров, хоть на лигу. Они промахивались в одном случае из ста, и Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур был одним из лучших, был бамбадао, величайшим мастером Хоэкуса. Обладал титулом, который невозможно купить ни за какие деньги, потому что учителям Химмельсгартна, наверное, единственным во всем Герметиконе, было абсолютно плевать на происхождение и знатность ученика, на его золото и могущественных родственников: они готовили воинов, и ни один адиген – ни заурядный владетель, ни сиятельный дар – не смел им перечить или указывать, как себя вести.

Помпилио никогда не рассказывал о проведенных в Химмельсгартне годах, но, глядя на то, чему он научился, окружающие понимали, что в жизни капризного, привыкшего к роскоши адигена были и кровавый пот, и кровавые мозоли, и он с честью выдержал такие испытания, которые многие сочли бы изощренными пытками.

И продолжал изнурять себя тренировками, которым посвящал не менее двух часов в день.

///

– Теодор!

Дверь мгновенно распахнулась, и в гимнастический зал вошел Валентин с серебряным подносом, на котором стоял высокий хрустальный бокал.

– Бодрящий коктейль, мессер.

– Ядреная прищпа, сколько раз тебе повторять, что он не бодрит, а питает! Какая бодрость может появиться от этой дряни? – потный Помпилио жадно выпил содержимое бокала – жуткую, по мнению многих, смесь молока, яиц, сока, фруктов и злаков, и вернул его на поднос. – Где Кира?

– Адира просила передать, что будет рада попить с вами чаю, – сообщил слуга.

– Сколько у меня времени?

– Примерно час.

– Насколько примерно?

– Час с четвертью, мессер.

– Достаточно, – после короткого размышления решил дер Даген Тур, бросив в угол мокрое от пота полотенце.

– Достаточно для чего, мессер? – поинтересовался Валентин.

– Теодор, я в настроении сходить в арсенал и выбрать, в конце концов, оружие для предстоящего путешествия.

– Прекрасная мысль, мессер, – одобрил слуга, пристраивая поднос на ближайшую лавку, чтобы проследовать за хозяином.

– А главное – никакой философии, – продолжил Помпилио, направляясь по широкому коридору к лестнице. – Теодор, во время физических упражнений я пересмотрел свое утреннее мнение и считаю, что философские умозаключения, в пользу которых ты пытался меня убедить, есть признак душевной слабости и даже некоторого психического расстройства. Настоящий муж должен быть суров и агрессивен.

– Вне всяких сомнений, мессер, – не стал спорить Валентин.

– Я такой?

– Прежде чем ответить, я хотел бы уточнить: суровым и агрессивным вы желаете быть по отношению к кому?

– Мне кажется или я действительно ощущаю в твоём вопросе скрытую иронию? – осведомился Помпилио, широким шагом двигаясь по коридору.

– Я всего лишь желал дать максимально полный ответ, мессер.

– Не нужно ничего усложнять, Теодор, наши отношения должны оставаться четкими и понятными.

– Да, мессер.

– Я такой?

– Вне всяких сомнений, мессер.

Помпилио остановился, ожидая, когда слуга откроет дверь в арсенал, и неожиданно произнес:

– Я не был здесь три дня.

– Да, мессер, – спокойно подтвердил Валентин.

– А вчера я так и не добрался до эллинга.

– Да, мессер.

Потому что время, которое раньше отдавалось оружию и цеппелю, теперь занимала Кира.

– Это хорошо?

– Вы взрослый, умный человек, мессер, который всегда принимает правильные решения. И если вы не нашли времени на посещение арсенала или эллинга, значит, вы потратили его на нечто более важное.

– Мы оба знаем, что я потратил время на Киру, – проворчал Помпилио. – Она...

И улыбнулся.

Валентин выдержал паузу, а поняв, что хозяин не собирается продолжать, распахнул дверь в арсенал.

Общеизвестно, что бамбальеро безразлично, из чего стрелять, ведь они одинаково хорошо управляются и с охотничьим ружьем, и с пулеметом. Бамбальеро с легкостью определяют сильные и слабые стороны любого оружия, всегда выбирают то, которое наилучшим образом подойдет для достижения цели, но особенно трепетную любовь у них вызывают бамбады: уникальное оружие высочайшего класса, изготовленное вручную, в единственном экземпляре, и всегда – под конкретного владельца. Создавать оружие, которое Хозкунс официально признавал бамбадами, могли только лучшие мастера, доказавшие свое умение перед высшими адептами Высокого Искусства, после того как представленное ими оружие долго и тщательно изучалось и пробовалось лучшими воинами Герметикона. Перед началом работы мастера обязательно встречались с заказавшим оружие бамбальеро, досконально расспрашивали его о манере ведения боя, о задачах, которые он ставил перед бамбадой, изучали его анатомию и даже привычки. А после создавали оружие, которое в полном смысле слова становилось продолжением хозяина: вес, балансировка, внешний вид – все подходило идеально.

Бамбады изготавливались долго, стоили дорого, однако Помпилио был владельцем обширной и периодически пополняемой коллекции, которой не без основания гордился и периодически пополнял. Как правило, в путешествия он брал ее всю – арсенал занимал на «Пытливом амуше» отдельное помещение, однако на этот раз им предстояла необычная поездка, и Помпилио мог взять с собой ограниченное количество стволов.

– Полагаю, не более трех бамбад, – пробормотал дер Даген Тур, остановившись напротив стеклянных шкафов с оружием. И замолчал, очевидно, представляя, что его ждет в путешествии.

Со стороны могло показаться, что Помпилио не нуждается в советах, однако Валентин хорошо знал свои обязанности и, выдержав короткую паузу, осведомился:

– Если не ошибаюсь, мессер, вы собираетесь встречаться с даром Дерекком?

– Сначала мы отправимся на Верзи, – подтвердил дер Даген Тур. – Нам с Дерекком нужно обсудить весьма важный вопрос.

– Предполагается охота?

– Разумеется, Теодор, мы ведь говорим о Дерекке.

– Вам известно, на кого предполагается охотиться? – невозмутимо продолжил расспросы слуга.

– Дерек скрывает, говорит, что хочет сделать сюрприз, а значит, приготовил нечто действительно интересное, – Помпилио усмехнулся. – Я совершенно уверен, что мы отправимся добывать каллерданского пламура.

– Интересная добыча, мессер.

– И редкая.

– Насколько я помню, речь идет об очень крупной кошке?

– Это максимально близкое определение, Теодор, – подтвердил Помпилио.

– Говорят, у пламура красивая шкура?

– Очень красивая.

– Хотите сделать из нее коврик перед камином?

– Ядреная пришпа!

– Извините, мессер, шутка получилась неудачной.

Сказать, что Помпилио стрелял великолепно, означало просто промолчать: он был бамбада, а значит – намного выше самых лестных эпитетов. При этом охоту дер Даген Тур недолюбливал. Как и любой хищник, он убивал только по необходимости, а единственным трофеем, который Помпилио разрешил выставить на всеобщее обозрение, была лапа гигантской пришпы – в кают-компании «Пытливому амуша». Правда, того зверя дер Даген Тур убил не на охоте, а спасая себя и спутников от неминуемой гибели.

– Но ты прав: будет обидно повредить шкуру столь редкой добычи, – помолчав, произнес Помпилио.

– То есть вы будете стрелять пламуру в глаз?

– Наめкаешь на «Генерала Мо»? – дер Даген Тур потер подбородок.

– Рекомендую.

– Гм...

Восьмизарядная бамбада калибра 7,62 прекрасно подходила для охоты на среднюю дичь и тем вызывала у Помпилио сомнения:

– Пламур отличается необычайной живучестью.

– В таком случае нужно взять «Острую жимолость».

– Бамбаду калибром одиннадцать с половиной миллиметров? – Помпилио покачал головой. – Самая легкая пуля «Жимолости» оторвет пламуру голову, а это не то, чего бы мне хотелось. – Он помолчал. – Пожалуй, возьму «Трактирщицу».

– Прекрасный выбор, мессер, я как раз хотел напомнить об этой девчушке.

Официально девятимиллиметровая бамбада называлась «Трактирщица из Брсздо», а создал ее великий Бродяга из Листа, один из тех, чье имя внесено в Пантеон Хоэкунса. Как все произведения Бродяги, капризная «Трактирщица» требовала тщательного ухода, но отличалась поразительной, во всех смыслах, точностью.

– Я почищу ее вечером, – произнес Помпилио, прикоснувшись к украшенному золотом ложу бамбады. – Обязательно напомни.

– Да, мессер, – Валентин чуть склонил голову. – Наши дальнейшие действия?

– После охоты мы точно заглянем в большой город.

– Насколько большой, мессер?

– В Виллемгоф, сферопорт Тердана.

Валентин прищурился, припоминая известные ему сведения об этом городе, и негромко произнес:

– Если не ошибаюсь, терданская полиция славится хорошей подготовкой?

– Ты не ошибаешься, Теодор.

– Вы отправляетесь на Тердан под своим именем?

– Инкогнито.

– То есть необходимо оружие скрытого ношения?

– Именно.

– «Близнецы»?

– Я думал о них...

Четырнадцатизарядные пистолеты мастера Бо Харда бамбадами не считались, поскольку были магазинными, а Хоэкунс еще не принял эту схему, и начисто лишеными свойственного бамбадам изящества. Тем не менее Помпилио любил «Близнецов» за безупречное исполнение и большой боезапас, часто использовал, однако сегодня был вынужден от них отказаться:

– Слишком громоздки.

– Зато обеспечивают великолепную плотность огня.

– Теодор, ты решил поведать мне характеристики моего оружия?

– Ни в коем случае, мессер, я лишь напоминаю...

– Я возьму «Улыбчивого Ре», – Помпилио кивнул на револьвер, который сопровождал его едва ли не чаще «Близнецов». – Он идеально подходит для прогулки по городу.

– А если понадобится нечто более серьезное?

– В этом случае на сцену выйдет «Хриплый Чарли».

– Неожиданное решение, мессер, – пробормотал Валентин.

– Почему? – удивился Помпилио.

– «Хриплый» – весьма специфическое оружие, и если после города мы вернемся на открытое пространство...

– Я воспользуюсь «Трактирщицей», – перебил слугу дер Даген Тур.

– Я об этом не подумал, мессер.

– Мы давно выяснили, что предусмотрительность – не твой конек, Теодор, я разрабатываю планы, а ты их исполняешь.

– Безусловно, мессер.

– И я думаю, что «Хриплый» придется кстати.

– Не буду спорить, мессер.

– Именно так.

Гладкоствольная бамбада «Хриплый Чарли» мастера Болл-Жимера получила название благодаря своеобразному, напоминающему громкий кашель звуку выстрела. Это был укороченный дробовик с барабаном на четыре каморы, каждая из которых предназначалась для удлиненного патрона калибра восемнадцать миллиметров. «Хриплый Чарли» был идеален в ближнем бою, поскольку мог «сдуть» с дороги трех-четырех человек одним выстрелом. Или вынести дубовую дверь. Или пробить кирпичную стену. При этом его можно было с легкостью скрыть под плащом, а значит – незаметно пронести по улице.

– Полагаю, этого будет достаточно, – подытожил Помпилио. – Теодор, позаботься о боеприпасах.

– Какие именно, мессер?

– На все случаи жизни.

– Понимаю.

– А я пойду приму душ... – дер Даген Тур повернулся к двери. – Сколько времени у меня осталось?

– Чай будет подан через двадцать минут.

– Успею, – Помпилио помолчал. – Знаешь, Теодор, в последнее время я все чаще думаю о важности семейных ценностей. И о том, как приятно, когда они есть.

– Под семейными ценностями мессер подразумевает наличие в доме арсенала?

– Нет, Теодор, под семейными ценностями я подразумеваю наличие в доме жены.

– Понимаю, мессер.

– Даже мама не смогла бы заставить меня пить чай днем.

– Еще лучше понимаю, мессер, – подтвердил Валентин, который прекрасно помнил неукротимый характер мамы неукротимого дер Даген Тура.

///

– Я очень рада, что ты согласился отложить дела и присоединиться ко мне, – улыбнулась Кира. – Надеюсь, я не отвлекла тебя от чего-то важного?

– Нет, – качнул головой Помпилио, наблюдая за разливающим чай Валентином.

– Я просто подумала...

– Подожди секунду, – дер Даген Тур подался вперед, накрыл ладонью руку жены и выразительно посмотрел на слугу.

– Я могу идти, мессер?

– Да, Теодор, спасибо.

– К вашим услугам, мессер.

Валентин вышел из столовой, забрав с собой двух других слуг, и, когда за ними закрылась дверь, Помпилио продолжил:

– Мы – взрослые люди, и я, как мы оба знаем, чуть более взрослый, чем ты... лет на десять.

Кира улыбнулась, но прерывать мужа не стала.

– У каждого из нас были свои привычки, и сейчас мы их меняем. Каждому из нас придется от чего-то отказаться, каждому из нас придется с чем-то согласиться. Я очень рад, что ты придумываешь для нас новые правила, и, чем бы я ни занимался, как бы ни был занят, я буду с удовольствием являться к тебе на чай.

– Сейчас я, наверное, должна была сказать, что мне повезло с мужем, – очень тихо ответила Кира, – но ты прекрасно знаешь, что именно так я и думаю.

– Нам обоим повезло, – в тон девушке ответил Помпилио.

Они помолчали, позволяя тишине отделить эту часть разговора, после чего вернулись к чаю.

– Я хотела с тобой посоветоваться, – произнесла Кира, разглядывая выставленное печенье.

– О чем? – отозвался Помпилио, удивляясь отсутствию ветчины, горчицы и хлеба.

– Сегодня утром, когда я проснулась одна... – Кира замолчала, ожидая реакции мужа.

– От холода? – невозмутимо осведомился дер Даген Тур.

– Одна, – повторила рыжая.

– Не хотел тебя будить.

Кира многозначительно промолчала, и Помпилио понял, что придется извиниться.

– Сегодня я поднялся намного раньше обычного.

– Бессонница?

– Как раз наоборот: прекрасно выспался, – он помолчал. – Когда настроение хорошее, силы восстанавливаются невероятно быстро.

В карих глазах Киры вспыхнули лукавые огоньки, однако комментировать эти слова мужа рыжая не стала. Помолчала, после чего продолжила:

– Так вот, проснувшись в одиночестве, я некоторое время оставалась в кровати, обдумывая, обижаться на тебя или нет, а затем поняла, что мы должны переделать спальню.

– Гхм... – промычал Помпилио, который как раз откусил печенье. Прожевал, запил чаем и уточнил: – Другая мебель?

– Другая мебель, другое оформление стен, другое белье и... и надо будет убрать картины. Заменить их на зеркала. Я хочу больше зеркал.

– Пусть будет больше зеркал.

– Ты согласен? – удивилась рыжая.

– Да, – Помпилио допил чай и вновь наполнил чашку.

– А если я предложу перекрасить замок в какой-нибудь веселенький цвет? – заинтересовалась Кира.

– Перекрасим, – отозвался он, наполняя чашку жены.

– Ты соглашаешься, потому что тебе нравятся мои идеи или чтобы от меня отвязаться?

Девушка задала вопрос шутливым тоном, но было видно, что неожиданная податливость мужа вызвала у нее сомнения. И потому Помпилио ответил серьезным тоном:

– Если бы я хоть на секунду мог предположить, что ты способна потребовать перекрасить замок в какой-нибудь веселенький цвет, я бы ни за что на тебе не женился. Думаю, мы бы даже не встретились бы.

– Как бы у нас получилось не встретиться? – осведомилась Кира.

– Я бы что-нибудь предпринял, – рассмеялся дер Даген Тур.
– Я подумаю над твоими словами, – пообещала рыжая.
– Надеюсь, – Помпилио откинулся на спинку полукресла. – Как ты хочешь изменить спальню?

– Еще не знаю, но обещаю с тобой советоваться...

– Приятно слышать.

– ...несмотря на то что ты ничего мне не рассказываешь, – закончила Кира.

– О чем? – растерялся Помпилио.

– Ни о чем.

– Э-э... – он почесал бровь, всем своим видом демонстрируя полное непонимание.

– Ты собрался в путешествие?

– Ах, это... – дер Даген Тур покачал головой. – Вчера мне прислали перспективные планы Астрологического флота на ближайший год, и мы с Баззой изучили их, – Помпилио помолчал. – Они собираются вернуться к исследованию Туманности Берга.

– Если не ошибаюсь, Туманность находится в нашем секторе?

– Да, верно.

Он уже привык, что говоря «наш», Кира подразумевает – «лингийский», но ему было бесконечно приятно слышать это снова и снова. Тем более он чувствовал по тону жены, что, говоря «наш», Кира не играла, она действительно так считала.

– Сколько планет в Туманности?

– Не меньше десяти.

– Вижу в твоих глазах охотничий азарт.

– Еще какой!

– Чего я не знаю? – прищурилась рыжая. Но через секунду догадалась: – Ты сказал: они собираются вернуться к исследованию. Флот уже пытался изучать Туманность?

– Да.

– И?

– Все с самого начала понимали, что задача поставлена сложная, – неспешно начал Помпилио, переводя взгляд на окно. – Туманность находится далеко, на предельном для межзвездного прыжка расстоянии, а многие утверждают, что даже за пределом. Как бы там ни было, стабильной точки перехода на какую-либо из планет Туманности пока не обнаружено, однако двенадцать лет назад командор дер Ман-Дабер прыгнул, и никто до сих пор не знает, что побудило его так поступить.

– Он погиб? – спросила Кира.

– Этого тоже никто не знает, – развел руками Помпилио.

И только сейчас рыжая догадалась, о чем рассказывает муж:

– Тринадцатая Астрологическая экспедиция!

– Именно, – кивнул дер Даген Тур.

Самая загадочная и самая трагическая страница в истории Астрологического флота. Разумеется, главным исследователям Герметикона доводилось терять корабли, но никогда до и никогда после они не несли столь страшные и необъяснимые потери: девять мощных, полностью снаряженных цеппелей, включая флагманский доминатор, прекрасно вооруженные и укомплектованные опытным экипажем.

– Спасатели тщательно прочесали Пелеранию, это ближайшая к Туманности планета, но не нашли следов Экспедиции. А через три месяца на Деригону вывалился обломок цеппеля, ободранный так, будто великан два дня волочил его по всем скалам Герметикона. Именно обломок: из девяти баллонов гелий оставался в двух, рулей нет, гондолы нет, машинное отделение взорвано, кузель отсутствует, фактически на нем оставался только астринг, который астролог ухитрился запустить с помощью резервных батарей. Других членов экипажа, кроме астролога,

на борту не оказалось, – Помпилио выдержал паузу. – Цеппель опознали по надписи на носу: ИР «Пронырливый», Тринадцатая экспедиция. К сожалению, астролог не смог вспомнить, что случилось после прыжка, и даже лучшие ведьмы спорки не сумели вытащить из его головы информацию.

– Что стало с несчастным?

– Некоторое время он провел в психиатрической лечебнице, – негромко ответил дер Даген Тур.

– А потом?

– Потом... – по его губам скользнула тень улыбки.

– Нет, – тряхнула головой Кира. – Быть не может!

– Почему?

– Галилей?

– Я оказался единственным, кто не побоялся пойти с ним в Пустоту.

– Почему? – вырвалось у рыжей.

– Потому что она его отпустила, – спокойно ответил Помпилио. – А значит, Галилей приведет любой цеппель на любую планету.

Кира едва не выронила чашку, вовремя опомнилась, сжала ручку, но чай расплескала. Однако не обратила на это внимания, полностью поглощенная разговором:

– Ты серьезно?!

– В том числе – поэтому, – с прежним спокойствием подтвердил дер Даген Тур. – Но в первую очередь потому, что Галилей – лучший астролог из всех, кого я встречал. Однажды он провел в работающем астринге почти сорок минут, ожидая, когда уйдут Знаки и можно будет построить переход... И построил. Увел «Амуш» с Заграты... – еще одна пауза. – Никто не смог бы этого сделать, только Галилей.

– Думаешь, он согласится вернуться в Туманность?

– Посмотрим! – Помпилио тряхнул головой. – До Туманности еще нужно добраться, и сейчас у нас другая цель.

– Расследование? – догадалась Кира.

– Расследование, – подтвердил дер Даген Тур.

В результате недавних событий на Фархе в руки лингийцев попал уникальный, снабженный двумя астрингами цеппель – об этом знали только Помпилио, его брат Антонио, остальные дары и несколько чинов лингийской тайной полиции. Строжайшая секретность объяснялась тем, что «Счастливый цехин» – так называлось судно, умел сбивать с курса цеппели, направляя их к другим планетам. Но гораздо больше лингийцев заинтересовал сам факт переделанного астринга – работать с астрелием, из которого была создана межзвездная машина, умели только на Герметиконе, на планете, которая открыла Эту Эпоху. И потеря монополии могла обернуться серьезными проблемами для всей цивилизации.

О «Цехине» было известно только одно: Огнедел пригнал его с Тердана, но тайну его создания террорист унес в могилу. Дело требовало тщательного и тайного расследования, и Помпилио убедил даров, что справится: «Пытливый амуш» надолго застрял в ремонтном доке, и деятельная натура дер Даген Тура не могла удовлетвориться только выходами в свет да беззаботными радостями семейной жизни.

– И с чего планируешь начать? – поинтересовалась Кира.

– Уже начал, – ровным тоном ответил Помпилио.

– Когда? Как?!

– Поразмыслив, я принял решение отправить на Тердан несколько не связанных между собой групп...

– Уран посоветовал? – невинно спросила Кира.

Уран Дюкри считался лучшим следователем лингийской тайной полиции, ему пророчили блестящую карьеру и адигенский титул, и пророчили вполне заслуженно: Кира имела возможность убедиться в ловкости и мастерстве Дюкри, сопровождавшего ее во время безрассудного путешествия на Тинигерию и вытащившего из лап похитителей. Уран знал о событиях на Фархе, из чего рыжая сделала вывод, что он обязательно примет участие в расследовании.

– Уран принял посильное участие в разработке плана, – не стал скрывать Помпилио. – Но для чего ты заострила на этом внимание?

- Не могу поверить, что ты ничего мне не сказал.
- Мы проводим тайное расследование, – напомнил дер Даген Тур. – Секретное.
- Еще скажи, что отправишься на Тердан без меня.
- Я обдумывал такую возможность.
- Больше можешь не обдумывать.

Несколько секунд Помпилио в упор смотрел на жену, после чего прежним спокойным тоном продолжил:

- Я сказал, что обдумывал, но не сказал, как долго.
- И как долго? – осведомилась Кира.
- Секунды три, – улыбнулся дер Даген Тур.
- Одного я тебя не отпущу.
- Знаю.

– Хорошо, – рыжая помолчала. Сделала маленький глоток чая и передернула плечами: – Не могу поверить, что ты ничего мне не сказал.

Воспитание не позволило Помпилио указать супруге, что эту фразу она уже произносила.

- Кого ты отправил на Тердан?
- В первой группе Уран, Галилей и Мерса.
- Странный выбор.

– Они отправились на «Счастливом цехине» и попытаются выйти на подлинных владельцев, объявив о том, что собираются продать цеппель. Они не должны вызывать подозрений, поэтому Уран сыграет роль контрабандиста, у него получится, я проверял, а Мерса и Галилей будут Мерсой и Галилеем.

- Не боишься отправлять на Тердан «Цехин»? Что будет, если мы его потеряем?
- Не потеряем, – обнадежил супругу дер Даген Тур. – Уран достаточно опытный человек.
- Пожалуй, соглашусь.

Кира подняла брови, показывая, что готова слушать продолжение, и Помпилио вернулся к рассказу:

– Вторую группу составили ИХ и Аксель, они проведут параллельное расследование, а при необходимости Аксель поддержит отряд Урана.

- А мы? – спросила девушка. – Мы полетим на Тердан?
- Обязательно, – пообещал Помпилио. – Но не сразу: по дороге заедем к Дереку.
- Зачем?

– В первую очередь, потому что мне нужно с ним переговорить. Во вторую, потому что все должны считать, что мы находимся на Верзи...

- Ты собираешься отправиться на Тердан инкогнито! – у Киры загорелись глаза.

– Да, – подтвердил дер Даген Тур. – Перед отъездом Мерса изготовил замечательный комплект документов, алхимические печати которых даже Уран не смог отличить от подлинных.

Все офицеры «Пытливому амуша» были мастерами своего дела. Однако Кира пропустила это сообщение мимо ушей.

- У нас будет настоящее тайное расследование? С переодеванием?
- С переодеванием? – поднял брови дер Даген Тур.

- Не волнуйся, дорогой, это я беру на себя.
– С переодеванием? – с беспокойством повторил Помпилио.
Но девушка не ответила. Она смотрела на мужа, пила остывший чай и улыбалась.

«А мне нравятся межзвездные переходы!

Не верите? Да плавать я хотел, верите вы или нет. Энди тоже не верит, говорит, что всех трясет в переходах, и если мне они нравятся, значит, нужно обратиться к врачу. Я попытался объяснить Энди, что многим из нас требуется вдумчивая помощь психиатра, но он не услышал и продолжил утверждать в записках, что нормальное состояние во время прыжка с планеты на планету – настороженность и страх.

А я чувствую себя... спокойно.

Нет, я не ямауда, я такой же, как вы, и точно так же ловлю Знаки Пустоты, и если поймаю – могу погибнуть. Кстати, далеко не всякому ямауде нравится прыгать с планеты на планету и не все они идут в цепари: ведь корабли, случается, не выходят из Пустоты. По самым разным причинам. Иногда их забирают Знаки. Иногда ошибаются астрологи. Иногда...

Хотите правду?

Правда заключается в том, что никто достоверно не знает, почему цеппели не выходят из Пустоты, потому что все, кто может рассказать о катастрофе, в Пустоте и остаются – вместе с гибнущим цеппелем. В истории Герметикона был только один случай счастливого спасения члена экипажа – одного-единственного члена экипажа! – но, поскольку он потерял память, свидетель из него аховый.

Пустота – это загадка...

Но я отвлекся.

Захотелось поговорить.

Точнее, написать, я ведь не говорю, а пишу в дневнике, который придумал вести Энди и который я довольно долго игнорировал. Энди надеется, что дневник поможет нам разобраться в происходящем и сблизиться, но чем больше я читаю его заметки, тем сильнее убеждаюсь, что нет во всем Герметиконе более непохожих людей, чем мы. И его надежда, увы, безосновательна, хотя, не скрою, я, наверное, хотел бы понять...

(шесть следующих строк вымараны с использованием сильнодействующих алхимических средств)

Но я опять отвлекся.

Мне нравятся межзвездные переходы, потому что в них есть чарующее, невероятно страшное и захватывающее с головой пребывание между жизнью и смертью. Огонек наших душ робко пылает посреди гигантского, неподвластного никакому воображению пространства, защищенный от величайшего Ничто лишь тонким корпусом цеппеля. И ничем больше. Люди со страхом ждут появления Знаков, а я решаю философский вопрос: выйду я из Пустоты или уже не вышел? То есть я уже мертв, еще не зная об этом, или все еще жив? И в этой невозможной двойственности кроется больший ужас, чем во всех Знаках, и большее очарование, чем в самой сладкой любви.

А иногда мне хочется остаться в Пустоте, чтобы узнать, какова она – настоящая. Пусть даже это будет стоить мне жизни...»
из дневника Оливера А. Мерсы alh.d.

///

«Пинком Пустоты» цепари называли удар неизвестной природы, который корабль обязательно получал перед выходом на планету. Цеппель встряхивало, иногда едва заметно, иногда настолько сильно, что люди валялись с ног и разрывало шпангоуты, однако цепари «пинку» радовались: он означал, что опасное путешествие окончено и можно расслабиться.

«Пинок» был своеобразной финишной ленточкой.

И первое, что видели пересекавшие ее путешественники, была Сфера Шкуровича – гигантский, выполненный из таинственного астрелия маяк, указывающий астрологам путь через триллионы лиг Пустоты. Как правило, неподалеку от Сферы располагалось здание вокзала – это на земле, а в небе над ней болтался вооруженный до зубов вижилан – медленный боевой цеппель, представляющий собой ошестинившуюся пушками и пулеметами платформу. Вижиланы пребывали в постоянном напряжении, готовые открыть огонь по любому пришедшему цеппелю.

Вооруженная охрана была по карману далеко не каждой планете, в пограничных мирах ее и днем с огнем не сыскать, но Тердан был миром развитым, цивилизованным, и его сферопорт защищал вижилан самого высокого класса – «Т», круглая боевая платформа, расположенная под «сигарой» в форме бублика и способная мгновенно открыть огонь в любом направлении, независимо от того, где оказался вражеский цеппель. И один только вид грозного сторожа заставлял пришедших цепарей вести себя предельно вежливо.

Впрочем, Дюкри ругаться с аборигенами не собирался.

– Торговое судно «Счастливый цехин», – отчетливо произнес он в ответ на запрос диспетчера. – Флаг частный, сферопорт приписки – Куегард...

– Это где? – осведомился диспетчер.

– Планета Хансея, Северный Бисер, – тут же произнес Уран. – Я могу продолжать?

– Да, конечно.

Дюкри кивнул с таким видом, будто тердан мог его видеть, и поднес к глазам бумагу:

– Диктую регистрационный номер...

Переговоры с диспетчером никогда не отнимали много времени, но все эти минуты «Счастливый цехин» оставался неподвижным, компенсируя легкий боковой ветер двигателями. И оставался на мушке у вижилана – так требовали правила межзвездных полетов.

– С каким грузом идете?

– Аширские ковры, – ответил Дюкри, бросив быстрый взгляд на старпома. Тот кивнул.

– И все? – удивился диспетчер.

– Это самое выгодное, что я смог найти, чтобы не идти порожняком, – проворчал Уран. – У меня есть клиент на Тердане.

– Стоянка С8, – после паузы произнес диспетчер. – Не выходить из цеппеля до прибытия таможенной команды.

– Разумеется, синьор, мы знаем правила.

– А я знаю вас, приграничных проходимцев, – рассмеялся диспетчер. – У нас тут порядок.

– Я знаю, синьор.

– Доводилось бывать?

– Доводилось слышать.

– А сейчас увидишь.

Посадочное поле на Тердане оказалось большим, не уступающим размерами сферопортам Ожерелья, и оживленным: за то небольшое время, что «Цехин» находился на планете, в Виллемгоф пришел еще один цеппель, а три, загрузившись, покинули порт. При этом перемещения прошли и быстро, и аккуратно, диспетчерская служба Виллемгофа отработала идеально, и гигантские цеппели расходились так, будто маневрировали в одиночестве.

Даже Дюкри, далекий от нюансов управления цеппелями, оценил слаженность работы, а старпом не постеснялся отпустить восхищенное восклицание и обменялся с рулевым одобрительными взглядами. Цепарям терданский сферопорт понравился. И таможенники впечатления не испортили. Они поднялись на борт через полчаса после того, как «Цехин» притянули к земле, и показали себя не меньшими профессионалами, чем диспетчеры. Таможенники прекрасно знали, что в столь огромной машине, как цеппель, можно спрятать любой небольшой груз, поэтому сосредоточились на проверке трюма, осмотрели машинное отделение и ушли, дав разрешение на разгрузку. Но таможенники были далеко не главной проверкой, которую предстояло пройти цепарям в любом сферопорту цивилизованных планет: перед ними на борт «Счастливого цехина» поднялся медикус Благочестивого Братства Дочери, для встречи которого в главном коридоре цеппеля выстроилась вся команда, строго по списку, который медикус визировал и передавал пограничникам, и если с цеппеля сходил неотмеченный в списке человек, самым легким наказанием для капитана становился запрет на посещение сферопорта. А могли и реквизировать цеппель – прецеденты имелись. Эти драконовские меры были связаны со страшной памятью, которую оставил о себе Белый Мор, некогда выкосивший то ли половину, то ли две трети обитателей Герметикона. Именно тогда было создано Благочестивое Братство, и именно его медикусы, при полной поддержке военных, сумели обуздать пандемию. О Белом Море не слышали уже несколько столетий, но Братство по-прежнему обучало лучших медикусов Герметикона и тщательно следило за тем, чтобы болезни не путешествовали с планеты на планету.

– Откуда идете?

– С Карле.

– А на Карле откуда взялись?

– С Верзи, – Дюкри помолчал. – В документах указан наш маршрут...

– Может быть, я хотел услышать твой голос, цепарь, – оборвал Урана медикус, и Дюкри проглотил все слова, которые почти вырвались наружу, потому что во власти Братства было отправить «Счастливый цехин» в карантин на месяц-другой. А еще потому, что медикусов обучали распознавать болезни тысячами способов, и голос был одним из важнейших.

– Всем стоять, не шевелясь, – медикус медленно пошел вдоль застывших цепарей. – Вытяни руку, растопырь пальцы... держи ровно... Скажи «девятнадцать»...

– Что?

– Ты идиот? Не умеешь считать до девятнадцати?

– Девятнадцать.

– Повтори.

– Девятнадцать, – на этот раз голос цепаря не дрожал, и удовлетворенный медикус прошел дальше. – Вот ты, выйди на свет!

Дюкри перевел взгляд на старпома и понял, что впервые видит его нервничающим: цепари не любят проверок Братства. Однако на этот раз все прошло хорошо...

Ну, почти.

– Сколько человек на борту? – осведомился медикус, дойдя до конца строя.

– Шестнадцать.

– Я насчитал пятнадцать.

Дюкри наклонился вперед, чтобы понять, кого не хватает, старпом проделал то же самое, перекрыв Урану обзор, однако разозлиться Дюкри не успел, поскольку раздался голос:

– Вы еще не закончили?

И в коридор вышел Квадрига. Как всегда, не совсем понимающий, где пребывает.

– В процессе, – пробормотал старпом, выпрямляясь. – Уран, что за офицеров ты мне подсунул?

– Дай угадаю: астролог? – осведомился подошедший медикус.

В ответ Галилей добродушно икнул и улыбнулся:

– Вижу, ты не зря посещал университет, брат...

– Брат Бенедикт.

– Вижу, ты не зря посещал университет, брат Бенедикт.

Старпом закатил глаза, показывая, что не виноват в скандале, который последовал... последует... должен был последовать за словами Квадриги, но медикус, к изумлению присутствующих, отнесся к Галилею более чем снисходительно.

– Трудный переход...

– Галилей.

– Трудный переход, Галилей?

– Легкий и потому неинтересный, – Квадрига вздохнул. – Обошелся вихелем.

– Настоящий астролог?

– Мой диагноз подтвержден лучшими психиатрами, – кивнул Галилей. – И будь я проклят, если я не самый настоящий астролог во всем Герметиконе!

– Спорить не стану, – медикус, не оборачиваясь, протянул помощнику руку, тот вложил в нее визитную карточку, которую брат Бенедикт протянул Квадриге: – Это адрес лучшей местной ведьмы, Галилей. Она тебе необходима.

– Знаю, – Квадрига взял визитку и спрятал в карман. И после короткой паузы буркнул: – Спасибо, брат Бенедикт.

И побрел вдоль строя.

Медикус кивнул, помолчал и громко объявил:

– Карантин не требуется.

А еще через пять минут на борт поднялись таможенники.

Визит директора-наблюдателя всемогущей Компании всегда становился Событием с большой буквы, независимо от уровня развития планеты. То есть понятно, что на мелких, едва заселенных мирах Пограничья люди такого уровня могли оказаться исключительно по случаю, например ради охоты на экзотического зверя, а вот на центральных планетах, хоть в Ожерелье, хоть в развитых мирах вокруг, появление директора-наблюдателя вызывало ажиотаж. С директорами-наблюдателями не гнушались встречаться даже дары, не говоря уж о королях, президентах и прочих руководителях богатых и развитых планет.

И поэтому первая встреча у прибывшего на Тердан директора-наблюдателя Бравурчика, которого Абедалоф Арбедалочик по-свойски звал Клоуном, была запланирована с самим Аристотелем Грау – маршалом сената Тердана, человеком, сосредоточившим в своих руках и законодательную, и исполнительную власть во всем Скоплении. Аристотель Грау контролировал жизнь восьми планет, и пусть пять из них с трудом достигли среднего уровня развития, больше напоминая миры Пограничья, три остальные, особенно Тердан, могли похвастаться весьма мощной экономикой.

Но, несмотря на то что встреча считалась тайной, Аристотель не забыл оказать галантиту положенные почести: когда роскошная яхта директора-наблюдателя приземлилась в сферопорту, к ней сразу же подъехали три длинных черных автомобиля с зашторенными окнами, которые быстро, без единой задержки – об этом позаботились полицейские на мотоцикле-

тах – доставили высокого гостя на принадлежащую терданскому министерству иностранных дел виллу – большой дом с колоннами на живописном речном берегу. Вилла предназначалась для размещения самых важных гостей, и на ее крыльце Бравурчика ожидал Аристотель Грау.

– Господин директор.

– Господин маршал.

Галаниты принципиально не использовали распространенное в Герметиконе обращение «синьор», требуя, чтобы все вокруг называли их господами. Сейчас – из вежливости, проявляя уважение, потом... Кто знает, что будет потом? И вполне возможно, что обращение в галаниту «господин» будет нести в себе более глубокий смысл, чем сейчас.

– Искренне рад вас видеть, господин директор.

– Взаимно, господин маршал, взаимно...

Свою давнюю кличку – Клоун директор-наблюдатель Бравурчик получил за остроумие, умение пошутить и поддержать шутку. Нрава он был веселого, но... Но только не на работе. Так что на Тердан прибыл не забавный лицедей, а жесткий переговорщик. Хоть и улыбчивый.

– Как дорога?

– Я недолюбливаю межзвездные переходы, – не стал скрывать галанит. – Мне не нравится видеть Знаки.

– Вы слишком прагматичны, чтобы поддаваться тому, чего не существует, – обронил Аристотель.

– Почему вы так решили? – поднял бровь Клоун.

– Разве нет?

– Пожалуй, вы правы, маршал, – поразмыслив, согласился галанит, отметив про себя, что терданский дикарь не столь прост, каким кажется. Но недостаточно умен, чтобы скрыть свою наблюдательность.

Аристотель Грау оказался неожиданно молод для того высокого поста, который занимал, – ему едва перевалило за сорок, и выглядел он бодрым и свежим, скорее тридцатилетним, чем на свой возраст: среднего роста, обычного сложения, блондин с аккуратным пробором на правую сторону.

Что же касается пятидесятилетнего Клоуна, то он был невелик, некогда сух и подтянут, но со временем расплылся, став грузным, набрав изрядно лишнего веса, растерял волосы – кудрявые седые космы оставались только на висках да затылке, был обладателем мясистого носа и толстых губ. Бравурчика даже в молодости не звали красавчиком, с чем он давно смирился... но смирение не мешало ему ненавидеть симпатичных мужчин.

За неспешным, ни к чему не обязывающим разговором они прошли в музыкальную гостиную и расположились в креслах напротив друг друга.

– Прошу вас: розовое эфрианское и чумосский ананас, – радушно предложил Грау.

– Вы прекрасно подготовились к встрече, – оценил галанит после того, как наполнивший бокалы слуга покинул гостиную.

– Мы знаем пристрастия всех директоров-наблюдателей, – спокойно ответил маршал. – Вы, господин Бравурчик, очень важный гость... – Аристотель мастерски выдержал коротенькую паузу. – Не думал, что вы лично прибудете в Виллемгоф для подписания простенькой пролонгации договора между нашими планетами.

– Во-первых, не между планетами, а между Галанитской Торговой организацией и Терданским скоплением, – поправил маршала Клоун. – Во-вторых, планеты Скопления богатеют, товарооборот растет, и я готов обсудить возможности расширения сотрудничества.

– Расширение сотрудничества возможно только в том случае, если ваши цели изменились, – улыбнулся Грау.

– Что вы имеете в виду?

– В прошлый раз ваши представители уделяли огромное внимание вывозу сырья, – мягко ответил маршал, добавляя в бокал галанита вина. – Как вы понимаете, нам это неинтересно. Мы развиваем промышленность и сами потребляем сырье. Расширения концессий не будет.

– Я готовился услышать нечто подобное, – не стал скрывать Бравурчик. – Ананасы, кстати, великолепные.

– Мы выращиваем их здесь.

– Они ничем не отличаются от чумосских... но это, только не обижайтесь, несложно, – Клоун чуть повысил голос, не позволяя себя перебить. – А вот автомобили, которые вы прислали за мной, производят впечатление.

– Наша разработка и наше производство, – с гордостью кивнул Аристотель. – Заводы работают в три смены, но не успевают удовлетворять заказы. Мы поставляем автомобили, причем не только представительские, в четырнадцать миров.

– Вы, вижу, патриот.

– Еще какой.

– Так получилось, что я легко нахожу общий язык с настоящими патриотами.

– Что вы говорите? – вежливо удивился Грау.

– Они быстро понимают выгоду моих предложений.

– Завтра у нас будет возможность проверить ваши слова.

– Завтра, – улыбнулся Клоун.

– Завтра, – подтвердил Аристотель.

Бравурчик не собирался принимать участие в официальных мероприятиях – так же, как Грау, – но они знали, что обязательно встретятся за плотно закрытыми дверями и будут отстаивать свои позиции.

– Мы не покупаем чужие промышленные товары, – качнул головой Клоун.

– Мы можем построить у вас завод.

– Для этого вам нужно нас крепко удивить. Товары, которые вы будете производить и продавать на Галане, должны превосходить местные, а это почти невозможно.

– Почти, – поднял палец маршал. – У нас имеются отличные разработки.

– Я слышал, что вы крепко взялись за науку, Аристотель... Вы позволите вас так называть?

Грау поднял брови, но, не услышав предложения: «А меня называйте Шолокипелиаром», промолчал.

И Клоун слегка сбился – это был первый на его памяти случай, когда собеседник демонстративно отказался признавать себя младшим партнером.

– Слышал, ваши научные достижения вызывают уважение даже на Герметиконе... И, наверное, не только ваши...

– Что вы имеете в виду? – насторожился Грау.

– Вы не будете против, если я закурю? – осведомился галанит.

– Прошу вас.

Бравурчик извлек из внутреннего кармана пиджака футляр с тремя «Масванскими толстяками», обнюхал каждую сигару, выбрал одну, руководствуясь известными лишь ему критериями, раскурил и продолжил:

– Не так давно на заштатной планете Фарха, которая находится в Южном Бисере, случился неприятный инцидент: погиб директор Фактории.

Аристотель промолчал, глядя на собеседника в упор. Поняв, что не дожидется даже лживого дипломатического сочувствия, Клоун поджал губы и продолжил:

– Такое, безусловно, случается. Однако обстоятельства гибели директора показались нам странными... Вы не слышали о той истории?

– К сожалению, нет, – ответил Аристотель, ярко продемонстрировав чудесное умение врать. – А должен был?

– Я просто спросил, – пожал плечами Бравурчик. – В той истории принимал активное участие известный всем Помпилио дер Даген Тур. На Фархе он отыскал Огнедела и наконец-то отомстил за смерть своей подружки.

– Вот теперь я услышал нечто знакомое, – улыбнулся Грау. – Кажется, об этой истории писали в газетах?

– Именно так.

– Но вы наверняка знаете о непростых отношениях Тердана с адигенскими мирами, мы не особенно интересуемся светской жизнью адигенов, – и вновь мастерски выверенная пауза. – В отличие от вас.

– Если за врагами не присматривать, они преподнесут сюрприз, – спокойно ответил Бравурчик. – А я не люблю сюрпризы еще больше, чем Знаки.

– Помпилио убил вашего директора?

– Там было сложное и запутанное противостояние, – медленно поведал галанит. – Директор Спесирчик погиб, потому что неосмотрительно в него ввязался.

– Можно только посочувствовать.

– Мы расследуем обстоятельства дела.

– С какой целью?

– Если мы не можем покарать убийцу сейчас, это не значит, что мы не покараем его при первом удобном случае, – холодно произнес Клоун. – Никто не имеет права безнаказанно убивать галанита.

Эти правила Компания насаждала везде, куда дотягивалась: мстила за своих, вдалбливая в головы людей, что галанитов трогать нельзя; выводила своих людей из-под местной юрисдикции, требуя безусловного освобождения, независимо от тяжести преступления, обещая судить его по галанитским законам и на Галане, а если не получалось – нанимала лучших адвокатов или подкупала судей. Это была не злопамятность, а стиль, который приносил плоды.

– Зачем вы рассказали мне эту историю? – негромко осведомился Грау.

– Дело в том, что расследование привело нас на Тердан.

– Не понимаю... – на этот раз Аристотель столь же блестяще сыграл растерянность. – Что привело вас на Тердан? Вы ведь сказали, что убийца известен.

– Нас заинтересовал мотив убийства.

– Разве вы не сказали, что директор оказался не в то время не в том месте?

– Но почему он там оказался? – с нажимом спросил Бравурчик.

– Почему?

– Директор Спесирчик узнал о потрясающем научном открытии, которое было сделано предположительно на Тердане.

– Вы меня совсем запутали, – обаятельно улыбнулся маршал. И, заметив, что первая бутылка опустела, позвонил в колокольчик, распорядившись принести еще одну и заменить тарелку с ананасами. – Вы уверяете, что директор маленькой Фактории на провинциальной планете, расположенной почти через весь Герметикон от нас, узнал о необычайном научном открытии, совершенном на Тердане?

– Не уверяю, а предполагаю, – спокойно возразил Клоун. – Но при этом совершенно точно знаю, что изобретение было доставлено на Фарху с Тердана.

– О чем идет речь?

– Этого мы пока не знаем.

На сей раз Аристотелю не пришлось играть изумление.

– Вы шутите?

– Мы продолжаем расследование, – буркнул галанит. – И, повторю, уверены в том, что изобретение было доставлено на Фарху с Тердана.

– Звучит, как сюжет увлекательного приключенческого романа.

– Рад, что вы оценили.

– Чего же вы хотите?

– Вы позволите нашим следователям провести расследование?

– Нет, – тут же ответил Грау. – Это запрещено нашими законами. – Директор-наблюдатель промолчал, с улыбкой глядя на собеседника, и тердан догадался: – Они уже здесь!

– Они не делают ничего противозаконного, просто задают вопросы, и мои слова об их присутствии в Виллемгофе – дань вежливости. Я заинтересован в заключении хорошего договора с Терданом и не хочу, чтобы какая-нибудь дурацкая мелочь испортила ваше отношение к Галане.

Некоторое время Аристотель пристально смотрел на собеседника, после чего взялся за бокал и кивнул:

– Одно условие: ваши люди обязательно поделятся с нами результатами расследования.

– Только в том случае, если выяснится, что изобретение было сделано на Тердане или гражданином Тердана.

– Справедливо.

– Мы договорились?

– Мы договорились. – Мужчины обменялись крепким рукопожатием, и Грау поднялся на ноги: – А теперь прошу к столу – нас ожидает ужин.

///

– Никогда не понимал галанитов и, наверное, никогда не пойму! – возмущенно произнес Аристотель, когда его лимузин выехал на дорогу и помчался в сторону города. – Им, похоже, чувство прекрасного отрезают вместе с пуповиной! Этот губошлеп Бравурчик жевал фаршированную ублю с такой рожей, будто мы ему подали жареную сильмалиору с головой и хвостом! Казалось, его сейчас вырвет!

– Может быть, директор-наблюдатель не любитель рыбы? – осторожно предположил Элки Зорман.

– Ты сам составлял его досье, – отрывисто напомнил Грау. – И уточнил, что Бравурчик обожает именно фаршированную рыбу.

– Возможно, мои осведомители напутали? Или сознательно ввели меня в заблуждение?

– В остальном они не ошиблись.

– Или галанит нарочно изображал отвращение, чтобы ввести нас в заблуждение, – подал голос Онисим Купер.

– Зачем?

– Ему не понравилось, что мы знали о розовом вине и апельсинах.

– Ананасах, – уточнил Элки.

– Не важно, – отмахнулся Купер.

– Вполне вероятно, – подумав, согласился маршал. – Я зря упомянул эту деталь.

Его спутники промолчали.

Компанию Аристотелю составляли самые доверенные помощники, люди, которым было дозволено подслушивать разговор с директором-наблюдателем, люди, которые были готовы исполнить – и исполняли! – любой приказ Грау. Даже абсолютно незаконный.

Оба они числились «советниками маршала Сената», только Элки Зорман контролировал внешнюю активность: в его ведении находились военная разведка, армия и министерство иностранных дел; а Онисим Купер обеспечивал внутреннюю безопасность, приглядывая за

работой всех полицейских сил планеты и командовал прокурорской гвардией – политической полицией, безжалостно вычищающей из реальности противников режима. Все они были одногодками, только Зорман учился с Аристотелем в элитном Виллемгофском университете, а Купера Грау отыскал чуть позже, заметив подающего надежды детектива и возвысив его.

– Но галаниты умны, этого не отнять, – продолжил маршал.

– Каким образом они узнали о нашем цеппеле? – спросил Онисим.

– Они не узнали, – тихо ответил Зорман. – Они догадались, что имеют дело с очень важным и серьезным открытием, но понятия не имеют, за чем гонятся. Тем не менее круги пошли по воде.

– Зато теперь, Элки, мы точно знаем, почему ты не смог отыскать Огнедела – он прятался у спорки, – криво усмехнулся маршал.

– А наш цеппель?

– Галаниты к дележу пирога не успели, точнее, успели, но неудачно, – пошутил Онисим. – Раз Огнедела прикончил Помпилио, значит, цеппель у адигенов. У лингийцев, если быть точным.

Грау поморщился:

– К сожалению, галаниты ищут не корабль, а тех, кто его изготовил.

– И это лишь часть проблемы, – по-прежнему тихо произнес Элки. Он не любил ни громких фраз, ни громких голосов. – Уверен, адигены тоже задались этим вопросом.

Потому что, когда первое изумление пройдет, новых владельцев таинственной машины обязательно заинтересует, кто научился работать с астрелием?

– Но адигенов здесь нет, а галаниты есть, – буркнул Аристотель. – И мы поступим так... – Он оглядел помощников. – Элки, ты продолжишь заниматься безопасностью Лаборатории. Менять ничего не нужно – у нас отлично продуманная система безопасности, а своим обращением хитрый директор-наблюдатель в том числе хотел заставить нас занервничать и начать предпринимать лишние действия, в надежде, что мы совершим ошибку и выведем их на Лабораторию.

– Абсолютно согласен, – склонил голову Зорман.

– Поэтому сиди ровно и, если потребуется, помогай Онисиму.

– Понял, – Элки покосился на коллегу. – Получишь все, что от меня понадобится.

Купер молча кивнул.

– Онисим, твоя задача – галанитские детективы, – теперь Грау смотрел на второго помощника. – Проверь списки инопланетников, прибывших в сферопорт за последние две недели, поставь на уши Карусель, напряги всех осведомителей, делай все, что умеешь, но чтобы к завтрашнему вечеру поименно знал всю галанитскую банду и не выпускал их из поля зрения.

– Сделаю, – уверенно ответил Купер. – Если они в Виллемгофе – я найду их к утру.

И все знали, что Онисим не хвастает: раз пообещал – найдет.

– Ну и главное, друзья, – голос маршала стал запредельно холодным, а черные глаза заблестели яростным огнем, – галаниты не должны добраться до Лаборатории.

– А если доберутся?

Вопрос был важным, поскольку все слышали откровенный намек Бравурчика на то, что может ожидать убийц галанитов, любых галанитов, и Зорман с Купером хотели знать, как далеко готов зайти Грау.

И узнали.

– Если галаниты доберутся до Лаборатории, вы их всех закопаете, – медленно ответил Аристотель. – И не рассказывайте мне – где.

«Особую прелесть нашим путешествиям придают места, которые доводится посещать... Гм... Нет, пожалуй, не так... Согласитесь: странно путешествовать, не посещая никаких мест, да? Собственно, смысл путешествия заключается в том, чтобы побывать там, сям и еще где-нибудь и написать потом отчет в Астрологическое общество. Или книгу мемуарных географических историй «Как я топтал Герметикон и что из этого получилось». Говорят, Валентин тщательно записывает приключения мессера, чтобы впоследствии издать собрание... уж не знаю, сколько потребуется томов...

Но я отвлекся.

Когда я написал «особая прелесть», я, разумеется, не имел в виду всякие горы, степи, острова и прочие природные красоты. Не поймите меня неправильно: я наслаждался великолепием уникальной Террасы двенадцати озер в Ашкорских горах Линги; я не дыша следил за закатом над океаном Силле, где местное солнце исчезает в окружении короны ярчайших звезд; я восхищался гигантскими деревьями Фархи; у меня кружилась голова от звездного неба Михни, но... Но сейчас я говорю о другом: особую прелесть в путешествиях мне доставляет посещение веселых районов, из которых Энди бежит, как галанит от налогового инспектора.

Когда мы останавливаемся в каком-нибудь сферопорту, мессер отправляется к своим друзьям или в выбранный Теодором роскошный отель, или остается на «Амуше», если, по мнению Валентина, планета неспособна предложить мессеру гостиницу должного уровня. Что же касается команды, она предоставлена самой себе, и, если мне выпадает счастье выбирать пристанище, мы с Энди оказываемся в самом веселом районе сферопорта. Пару раз этот мерзавец менял квартиру, но я твердо заявил, что судьба сама определяет, где нам жить, и, если он не прекратит так себя вести, я тоже буду менять выбранные им отели.

На том и порешили: когда в сферопорт приходит Энди, мы оказываемся рядом с какой-нибудь библиотекой; ну а насчет меня вы уже все поняли...

А теперь представьте мою радость, когда неожиданно выяснилось, что на Тердане мы поселимся в Карусели, криминальном районе Виллемгофа, наполненном пороками и страстями. Именно этого требовал план расследования, и, несмотря на мольбы Энди дать ему поблажку, Дюкри, чтоб у него все опыты сходились, остался непреклонен и не позволил нам снять квартиру в тихом центре. А вишенкой на торте стало то, что мы получили строгий приказ скрывать принадлежность к Астрологическому флоту, никому не рассказывать, что служим знатному лингийскому адигену, и старательно изображать обыкновенных цепарей, спустившихся на берег после долгого похода.

Сказать, что я был счастлив – значит просто промолчать. Но радость моя продлилась недолго: едва мы заселились, как этот зануда Энди вернулся и испортил мне первый вечер...»

из дневника Оливера А. Мерсы alh.d.

///

– Хорошо устроился? – осведомился Дюкри, когда алхимик вышел из подъезда доходного дома вдовы Муто и они зашагали вниз по улице.

Вопрос вызвал у скромного Энди смущение. Он сбился с шага, покраснел, поправил шляпу, потом очки, догнал остановившегося спутника и, запинаясь, поинтересовался:

– Э-э... а что сказал... э-э... Галилей?

– Галилей промолчал, – коротко ответил Уран.

– Он... э-э... заметил, что его сняли с цеппеля? – уточнил алхимик, надеясь перевести разговор на астролога и, возможно, в шутовское русло.

– Думаю, заметил, – уверенно ответил Дюкри. Но тему менять не стал: – Так ты хорошо устроился?

И Мерса вновь замолчал, совершенно не находясь с ответом.

С одной стороны, он не хотел обижать спутника сообщением, что даже его каюта на «Пытливом амуше» была несколько больше, а главное – намного чище, чем нынешняя «комфортабельная меблированная комната со всеми удобствами». Не говоря уже об апартаментах, которые он снимал во время стоянок в Даген Туре у матушки Пра, где в цену входили щедрый, сытный и очень вкусный домашний завтрак, вид на прекраснейшее озеро Даген и разрешение проводить время в садике. Не то чтобы Мерса привык к роскоши, но он был офицером, а на «Амуше» это звание значило много, и Теодор Валентин зорко следил за тем, чтобы офицеры не позорили мессера Помпилио, например... Например, проживая в гадючнике, который им предложили на Тердане.

– Возможно, в отеле нам... э-э... было бы уютнее, – выдавил из себя алхимик. – Пусть даже не очень дорогим.

И его воображение молниеносно нарисовало небольшой, не очень дорогой отель, содержащийся энергичной и весьма достойной женщиной, чем-то напоминающей матушку Пра, с небольшими комнатками, выходящими на тихую улочку, чистым бельем...

– В отелях полно лишних глаз, – сообщил Дюкри. – Обслуга отелей знает о постояльцах намного больше, чем горничные меблированных комнат.

– Как так получается?

– В отелях работают бойкие ребята, а в меблированных комнатах – деревенские девки, – пояснил Уран. – Кроме того, в отелях множество постояльцев, к которым приходит немало гостей, так что вычислить тех, кто станет за нами приглядывать, мне будет намного сложнее.

– А за нами станут приглядывать? – зачем-то осведомился Мерса.

– После первой же встречи, – уверенно подтвердил Дюкри.

– Зачем?

– Не «зачем», а «почему?», – уточнил Уран и объяснил: – Потому что мы проводим опасное расследование и действуем под прикрытием.

– А-а...

Энди вспомнил, с кем говорит, и решил, что спорить с офицером тайной полиции не имеет смысла.

– Я абсолютно доверяю вашему выбору... э-э... Уран.

– Вот и хорошо.

Но в памяти алхимика вновь всплыл образ комнаты, в которой он только что поселился, и Мерса против воли добавил:

– К тому же, насколько я понял, наше пребывание на Тердане не будет... э-э... слишком долгим?

– Зависит от обстоятельств, – ушел от прямого ответа Дюкри.

– Иногда эти обстоятельства становятся размером с бутылку бедовки, – неожиданно произнес Галилей. – С гигантскую бутылку бедовки. В горлышко которой может пройти цеппель.

До сих пор астролог молчал, размеренно шагая по левую от Урана руку, и что побудило его высказаться, осталось загадкой. Как, впрочем, и смысл высказывания. Некоторое время офицеры молчали, а затем неожиданно «включившийся» Галилей многозначительно посмотрел на алхимика и с нажимом сообщил:

– Я заметил, что мы сошли с цеппеля.

– И как тебе твоя комната? – мгновенно среагировал Энди.

Как и ожидал алхимик, сложный вопрос заставил Квадригу задуматься. Но ненадолго.

– На Андане было веселее, – заявил он, позабыв уточнить, что именно имеет в виду под определением «весело».

– На Андане мы жили... э-э... в центре города, – проворчал Мерса. И улыбнулся, потому что остановку на Андане они провели в отеле его мечты: недорого, уютном, расположенном на тихой улочке. – Правда, всего пару дней...

– Больше было не надо, – строго произнес Дюкри.

– Да, больше было не надо, – эхом отозвался алхимик. – А жаль...

Всего пару дней... А еще в эти дни на Андане проходил один из бесчисленных карнавалов. На этот раз – посвященный желтым цветам. Не важно, каким именно, главное – желтым. Сферопорт нарядился в желтое: цветы, флаги, одежды... Сферопорт шумно веселился, как умеют только анданийцы – с заразной беззаботностью. И если Дюкри воспринял смену обстановки с хладнокровием настоящего профессионала, то на его спутников разительный контраст между ярким Анамараком и мрачноватым Виллемгофом подействовал угнетающе. К тому же на Тердане им пришлось поселиться не в центре и даже не в районе средней руки: Дюкри выбрал квартал, вплотную примыкающий к Карусели – местному району Омута, не совсем, конечно, заброшенный, не самый нищий, но далеко не богатый и производящий не лучшее впечатление. На улицах грязно, дома обшарпанные, уличной едой не пахнет, а воняет, к тому же Мерса подозревал, что в его «комфортабельной мебелированной комнате со всеми удобствами» кого-то убили. Причем недавно. Он хотел поведать об этом Урану, но постеснялся.

Зато в доходном доме было несколько выходов, с западного крыла можно было легко перепрыгнуть на крышу соседнего здания, и все это очень нравилось осторожному и предусмотрительному Дюкри.

– Я правильно понимаю, что мы изображаем контрабандистов? – неожиданно сменил тему Квадрига.

– Ну, не совсем контрабандистов, но людей не в ладах с законом, – уточнил слегка удивленный Уран.

– То есть вы еще не определились с легендой?

– Вполне определился, – ответил Дюкри.

– И что я должен отвечать?

– Кому?

– Людям, – Галилей неопределенно взмахнул рукой.

– Людям ты рассказываешь, что служишь астрологом на «Счастливом цехине» и больше ничего не знаешь, – ответил Уран. – Все остальное людям буду говорить я.

Дюкри надеялся, что на этих словах Квадрига успокоится, но ошибся.

– Ну, я, допустим, могу сыграть и контрабандиста, и даже адигена, если потребуется, у меня талант, – продолжил Галилей. – А вот насчет Мерсы не уверен. Он наше слабое звено.

– Это кто, простите, слабое звено? – робко возмутился алхимик. – Ты, прошу прощения, можешь сыграть только одну... э-э... роль – астролога на расслабоне, и то иногда переигрываешь.

– А тебе все нужно повторять дважды, – парировал Квадрига, довольный тем, что наконец-то задел Энди.

– А ты постоянно все забываешь.

– Кроме курса, – поднял указательный палец Галилей, не согласный терпеть безосновательные обвинения.

– Кроме курса, – согласился алхимик. – Но, кроме него, у тебя в памяти вообще... э-э... ничего не держится.

– Я помню оба твоих имени.

– Вы совсем идиоты, да? – поинтересовался Дюкри.

Поскольку до сих пор офицеры «Пытливому амуша» так себя не вели, Уран несколько растерялся и ляпнул фразу, не подумав.

– Поэтому нас и держат вместе – мы заразные, – хихикнул Квадрига. И вытащил из внутреннего кармана летней шапы плоскую стеклянную бутылку с бедовкой. Пустую более чем наполовину.

– Его держат вместе... э-э... со мной, – сбивчиво не согласился алхимик. – А нас всех – с ним. Не знаю, за что.

– Мерса, ты опять теряешь нить беседы.

– Заткнись.

Галилей сделал большой глоток бедовки, вытер губы тыльной стороной ладони и, абсолютно неожиданно для Урана, вернулся к предыдущей теме:

– Так что насчет легенды? Кем я должен притворяться?

– Когда ты молчал, ты нравился мне гораздо больше, – не стал скрывать Дюкри.

– Он всем нравится больше, когда молча сидит в... э-э... астринге.

– Это расизм.

– Нет. Это называется не так.

– А как? – Квадрига вопросительно посмотрел на Энди. – Как как это еще можно назвать? Мне стыдно за тебя, Мерса! – Алхимик робко задохнулся от гнева, но его эмоции не особенно заботили астролога. – Так все-таки, капитан, кем вы нас назначаете? Контрабандистами?

– Можно я не буду контрабандистом? – попросил Энди.

– Неприятные воспоминания? – Квадрига повернулся к Дюкри. – Это он после тюрьмы такой робкий.

– Я никогда не был в тюрьме! – возмутился алхимик.

– Значит, я тебя с кем-то спутал... Ничего, походишь с мое на «Амуше» – побываешь и в тюрьме. – А в следующий миг астролог поднял голову и прочитал большую, ярко подсвеченную вывеску: – «Кляча»! Нам сюда?

– Да, – коротко подтвердил Уран, радуясь тому, что они наконец-то дошли.

Но радуясь напрасно.

– Смотрите, там... э-э... дерутся, – сообщил наблюдательный алхимик, указывая пальцем в переулок.

Дюкри хотел пройти мимо, но Квадрига остановился и прищурился, разглядывая двух здоровенных амбалов, пинающих валяющееся на земле тело. Тело стонало, а значит, было еще живо.

– Не дерутся, – качнул головой астролог. – Двое бьют третьего.

– За что?

– Да мало ли? – Галилей швырнул опустевшую бутылку на мостовую. – Хочешь поучаствовать?

– Нет.

– Могу устроить.

– Как? – поинтересовался Дюкри. Через мгновение прикусил язык, но было поздно.

– Эй, придурки, хватит борзеть! – В глазах астролога вспыхнули веселые огоньки. – В полицию захотели, дегенераты?

– Всегда так делает, – вздохнул Энди, шагнув назад и оказываясь в тени. – За это его Бедокур очень любит: Галилей во всех кабаках драки устраивает, даже без «вышибалы» обходится.

– Предупредить нельзя было? – в сердцах поинтересовался Уран.

– Я думал, вы взрослый человек, капитан, и следите за языком в присутствии астрологов. Эти ребята и в самом деле были непредсказуемы.

– Ты кого придурком назвал?

Их было двое. Здоровенные, как стальные верзийские сейфы, но не такие умные. Опытные, конечно, однако с Ураном ошиблись, не сообразили, что если бы длинный и худой, которого они записали в слабаки, действительно был таким, ему следовало броситься наутек.

А Дюкри стоял, дожидаясь, когда амбалы подойдут ближе.

– Все, урод, сейчас ты сдохнешь!

Они думали, что успеют нанести удар, но ошиблись. Ошиблись дважды: в длине рук Урана и в длине телескопической дубинки, которая выскользнула из его рукава. Дюкри раскрыл ее в движении и резко ударил того, что справа – по глазам. Никак не среагировал на вой, словно не услышал, ловко изогнулся, нанес левому сокрушительный апперкот, а следующим движением ударил правого в висок.

Громили мешками повалились на заплеванную мостовую, а Уран повернулся к астрологу:

– Зачем ты это сделал?

– Что сделал? – искренне удивился тот. – Пошли внутрь, капитан, здесь прохладно, и я хочу чего-нибудь крепкого.

– А я хочу есть, – добавил вышедший из тени Мерса. – Извините.

///

Довольно большая площадь Мае-Дан находилась в самом центре Карусели и напоминала грязное озеро, в которое втекало то ли пять, то ли семь еще более грязных рек-улиц. В северной части площади валялось несколько остовов разобранных грузовиков, а в южной ставшие бандитами селюки устроили грядки с вонючим звунцем, продавая товар всем желающим.

Кем именно был Мае-Дан, доподлинно никто не знал. Одни говорили, что легендарным основателем Карусели, самым знаменитым в истории Тердана карманником, ставшим жертвой суровых правоохранительных репрессий; другие шепотом сообщали, что на сленге анданийских уголовников «мае-дан» означает дешевый публичный дом, кое обстоятельство и заставило местных остановиться именно на этом названии. Потому что Мае-Дан был почти полностью отдан борделям: проституткам нравилось прогуливаться по большой площади, изредка устраивая командные или одиночные схватки на потеху неблагородной публике. Разумеется, были на Мае-Дан и наркопритоны, и лавки скупщиков краденого, и офисы ростовщиков, но основу площади, ее красу и гордость составляли именно дома терпимости.

И главным из них считалась шестиэтажная «Кляча», предоставляющая клиентам исключительно «услуги экстра-класса». В переводе с бандитского фразы означала, что вероятность подхватить что-нибудь неприличное составляет менее пятидесяти процентов. Принадлежала «Кляча» Молчуну, бывшему боксеру тяжелого веса, но он был только ширмой, следил за порядком и подписывал документы, потому что в действительности заведение служило штаб-квартирой самой мощной банде Карусели – Сыновьям Нуланда, главари которой – Кайл и Кеннет – заглядывали в «Клячу» ежедневно.

– Мне говорили, что на первом этаже вкусно кормят, – протянул Уран, с подозрением разглядывая грязное меню.

– Бабарский говорил? – уточнил Галилей. Он велел официанту вместе с меню притащить бедовки, с ходу хлопнул две рюмки и заметно повеселел.

– Да, Бабарский, – не стал скрывать Дюкри. – А что?

– ИХ – не гурман.

– Не гурман, – подтвердил Мерса.

– Но бедовку они не разбавляют.

– Я буду половину... э-э... гуся с яблоками. Кто хочет вторую половину?

– Давай лучше сожрем утку, – предложил Квадрига. – Я в настроении. – И вновь посмотрел на Урана: – Прочитать тебе меню?

– Я пока не уверен, чего хочу, – ответил Дюкри, скользя взглядом по строкам.

– Что мы здесь делаем? Недалеко от нашего доходного дома есть кабаки не хуже.

– Оглядываемся.

– Зачем?

– Мы будем вести дела с Сыновьями Нуланда, – объяснил Уран. – Вот я и решил посмотреть на их штаб-квартиру.

– Вести дела? – повторил Галилей. Затем выпил еще рюмку, оглядел большой зал, в котором ели и выбирали девиц, хихикнул и вынес вердикт: – Похоже, домику осталось недолго...

– Каким был Огнедел? – неожиданно спросила Орнелла.

Не в том смысле неожиданно, что долго молчала, а теперь вдруг подала голос, совсем нет: только что компания бурно обсуждала достоинства Виллемгофа, решала, в какие заведения нужно заглянуть обязательно и на какие красоты поглазеть, раз уж оказались на Тердане. Говорили долго, потом замолчали, «переваривая» услышанное, а затем Орнелла неожиданно сменила тему.

– Каким был Огнедел?

Вопрос она задала единственному из всей компании человеку, которому имело смысл его задавать.

– Я рассказывал, – тихо ответил Патрик Фелди.

– Мы обсуждали, что он из себя представляет как противник, как террорист, а я хочу знать, что он был за человек.

– Зачем? – удивленно спросил Эрсиец.

Орнелла не ответила.

– Зачем? – еще тише повторил Фелди.

Ему она не могла не ответить.

– Затем, что Огнедел – уникальный преступник, ставший известным на весь Герметикон. Мне он интересен.

– Ты сказала, что Огнедел мертв, – чуть помолчав, произнес Фелди, которому явно не хотелось говорить о человеке, сломавшем ему жизнь.

– Мы в этом уверены, – подтвердила Орнелла.

– На сто процентов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.